

18+

МИРРА МАЙСКАЯ

КНЯГИНЯ

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

Мирра Майская Княгиня

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67281893
SelfPub; 2022*

Аннотация

Приговорённая к смерти несчастная рабыня. Или княгиня, рядом с великим князем. Время, где мне страшно. Время страшных людей и битв. Да, я оказалась здесь и теперь должна выжить.

Пройденный путь, к краю жизни.

Каждым днём – без тебя, каждым сном – не с тобой.

Древняя Русь, становление Владимиро-Суздальского княжества, возвышение его над Великом Киевом. Великий русский князь Андрей Боголюбский, золотые купола Владимира и девушка из современности.

Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

Содержание

Пролог	5
Наше время, где-то в Москве.	5
Глава 1	8
Москва 21 век. Конец декабря.	8
6677 год от Сотворения Мира – 1169 год от Рождества Христова.	10
Марья – или сумасшедший дом.	21
Глава 2	29
Татаро-монголы или половцы	29
Глава 3	36
Конец зимы 6677 год от Сотворения Мира – 1169 год от Рождества Христова.	36
Глава 4	43
Последние дни зимы 6677 год от Сотворения Мира – 1169 год от Рождества Христова.	43
Вай, мама, кто это? Вай, мама, кто это?	55
Глава 5	61
Первые дни весны 6677 год от Сотворения Мира – 1169 год от Рождества Христова.	61
Глава 6	68
Весна 6677 год от Сотворения Мира – 1169 год от Рождества Христова.	68
Глава 7	75

Лето 6677 год от Сотворения Мира – 1169 год от Рождества Христова.	75
Глава 8	93
Лето 6677 год от Сотворения Мира – 1169 год от Рождества Христова.	93
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Мирра Майская

Княгиня

Пролог

Наше время, где-то в Москве.

Я смотрела в его глаза, такие же как в прошлом.

Помнит ли он меня, или совсем нет.

Мне страшно, вдруг если не помнит, то оттолкнёт.

Как я буду жить без этих карих глаз.

Как...

Он так красив, вокруг него кружат девушки, рост и сложение богатырское у моего князя, волос чёрный, как крыло ворона и лицом красен. Мой князь...

Сколько веков минуло с той поры, сколько лет пролетело с первой нашей встречи.

Девятьсот лет....

Помнишь ли ты, как впервые увидел меня, я помню и не забуду даже еще через девятьсот лет...

...Сегодня здесь в этом клубе я впервые, моя подружка Рита притащила меня сюда за компанию. Её парень Артем пришел с другом и его зовут Олег. Я здесь лишь для компа-

нии и мне не интересен этот Олег.

Хотя я вру, я бы не пришла сюда, если бы его имя было Максим или Никита. И подруга знает мою слабость к Олегам. И потому я не уверена, что это имя настоящее.

Да, я дергаюсь и таю от одного только имени. Я вглядываюсь в глаза каждого Олега, потому что никогда уже не забуду статного темноволосого князя, ставшего для меня любимым. Тем с чьим именем живу и кого не могу забыть даже в вечности.

Он остался там, в прошлом, откуда я так рвалась домой, не понимая, что оставлю здесь свою любовь и жизнь. Меня пугало это время, непонятное для простой девушки из будущего.

Время, где мне страшно. Время страшных людей и битв. Да, я оказалась там и должна была выжить. Приговорённая к смерти несчастная рабыня. Или княгиня, рядом с великим князем. Пройденный путь, к краю жизни.

Каждым днём – без тебя, каждым сном – не с тобой...

– Посмотри вот туда князь, там будет самая красивая церковь на Руси, да-да самая красная.

Я улыбнулась и заглянула в карие глаза любимого, мы стояли на берегу реки, называлась, которая Клязьма.

– Выдумщица ты моя, – он обнимает меня в ответ.

– А вот там в той стороне, – я показываю в сторону Москвы.

– Будет главный город на Руси, только до этого ещё далече.

Меня сжимают в объятиях сильнее и целуют в щёку.

– А что скоро будет, любимая моя княгиня?

– Вскоре будут ссоры между князьями и раздоры, без единства на Русь придут страшные и сильные враги и будут мучить Русь матушку более двухсот лет. Но мы с тобой князь, не увидим этого уж.

Я печально вздыхаю, две сильные мужские руки разворачивают меня к себе.

– Не печалься, любимая. Я знаю, что буду любить тебя вечность. Даже после смерти, я верю наши души найдут друг друга...

Глава 1

Москва 21 век. Конец декабря.

Я ничем не примечательная девятнадцатилетняя студентка второго курса университет экономики, статистики и информатики, по специальности – компьютерное моделирование. Приехала из провинциального городка, в самой середине России, на учёбу в Москву. Обычная девушка, может немного заучка, немного серая мышка, волосы, вечно собранные в хвост, одета просто, в джинсы и свитшот.

Сегодня с утра в университете предновогодняя круговерть, все спешат перед Новым годом закрыть долги по учебе, потом разъехаться по домам. И мы вместе с подружкой Ритой, тоже сдаем последние работы.

Беготня за преподавателями, пересдача, добавление в курсовую, последних таблиц и данных. К вечеру облегчённо вздыхаю и уставшая, но довольная оправляюсь к станции метро недалеко от университета.

В вагоне, куда я села было мало народа, поэтому я присела в уголок на свободное место, с улыбкой на глазах. Завтра еду домой, там меня не ждут на новогодние каникулы, так как я должна сдавать сессию. А это три экзамена и ещё два зачёта, но я молодец такая, сдала все досрочно и теперь сво-

бодна почти до двадцатого января.

Сейчас выйду из метро и позвоню маме и папе, обрадую мою любимую семью, и скажу, чтобы ждали меня на Новый год. Мне на конечную, нам с девчонками снимать жилье, по карману только на окраинах.

В вагоне я осталась одна, между станциями начинает мигать свет, но меня это не пугает, такое иногда случается. А тут ещё и кроме темноты мы останавливаемся, наверно пропускаем встречный поезд.

Тишина, остановились. Свет перестает мигать. Тишина и темнота...

6677 год от Сотворения Мира – 1169 год от Рождества Христова.

.... Открываю глаза, кругом танцуют люди, в каких-то странных нарядах и одеждах.

Кажется, они поют. Только слова почти не понятны. Что-то похожее на пение православного священника в храме. Поднимаю голову, всё начинает кружиться. Люди мелькают, в руках у них палки с привязанными к ним тряпками.

Поднимаюсь на колени, кругом снег, много снега и эти люди водят хороводы и что-то поют. Сильно болит голова, трогаю себя за затылок.

– Ушиблась, наверно, – помогает мне подняться симпатичная девушка с длинной русой косой.

Она отводит меня в сторону и сажает, на какую-то деревянную колоду. Гладит по голове, и говорит:

– Ты чьих девица? По одежде вижу, ты не наших будешь, – господи, голова то как болит, а она ещё издевается, говорит и слова коверкает.

Смотрю на неё, мне точно не до их игр.

– Мне плохо, потому я выбываю из квеста. Короче, выведи меня отсюда.

Девушка, открыв рот, смотрит на меня.

Начинаю чувствовать, что замерзаю, меня начинает бить лёгкая дрожь. Девушка замечает это и, подняв меня с коло-

ды, она уводит меня в какую-то полуразрушенную низкую ветхую избушку, а сама уходит.

Проходит немного времени и глаза привыкают к полумраку, в углу горит только тонкая лучина.

Сiju и думаю, почему я здесь. А ещё мне кажется, что это совсем неудачный квест.

Девушка вернулась, в руках она держала деревянную емкость похожую на ковш.

Я вскочила на ноги и закричала:

– Скажи своим, что я выхожу из игры. С меня хватит, я так замёрзну совсем.

Девушка вновь посмотрела на меня, как на умалишённую и протянула деревянный ковш.

– Пей, милая. Пей и согреешься.

Она вновь всё это проговорила почти не понятным мне языком.

Я разозлилась, сколько надо мной можно издеваться. Но всё же взяла ковш и понюхала жидкость в нём, опасаясь пить, что-то незнакомое. Кто его знает, что могут подмешать в питьё. Но жидкость вкусно пахла медом и травами.

– Пей пока горячий ещё сбитень.

– Кто? – я переспросила.

– Сбитень, – она вновь, удивляется моей непонятливости.

Ещё раз, понюхав ковш, я решилась и отпила. От волнения в горле пересохло и этот напиток, хорошо помог.

Я вновь осмотрелась вокруг и вижу, деревянный с неров-

ностями стол, рядом скамейка какая-то, в углу ещё одна скамья. На полу шкура какая-то, а дальше даже не знаю, что это такое. Что-то вязанное, похожее на длинный коврик. В голове крутится, такие, наверно в деревнях стелют на пол.

Неважно всё это, вновь встаю и иду к двери, чтобы открыть и уйти отсюда. Когда подхожу к двери, и тяну руку к ручке дверной, вытаращив глаза, смотрю на то, что выполняет функцию ручки.

В голове крутится мысль, кошмар какой-то, где они взяли всю эту рухлядь, кругом одни сплошные раритеты и антиквариат.

Но я всё же решаюсь и открываю, а распахнув дверь, делаю шаг. В лицо ударяет рой острых белых колючек, на улице метель. Сквозь этот рой из белых жалящих пчел, я вижу силуэты двух мужчин, проходящих мимо, странно одетых и обутых.

Делаю шаг к ним поближе, мне нужно попросить их о помощи.

И вдруг слышу разговор их между собой:

– По вся неделя устави на дворе въ гридьнице пир творити и приходити боляро, и гридем, и сѣцьскым, и десяцьскым, и нарочитым мужем, при князи и без князя.

– Бываше множество ит мяс, от скота и от зверины, бьаше по избылью от всего. Егда же подѣпьяхуться...

Продолжения не слышу, они уходят

Замираю с открытым ртом, чегоооо?

Блин, что они сказали?

В голове только и крутится, последнее слово – *подъпьяхуться*.

Наверно это польский язык или словенский. Нет, больше на украинский похоже или белорусский.

Аааа, что это такое вообще?

Вот же я дура, это точно квест. Наняли на работу гастарбайтеров с Украины, это точно украинский.

Успокоившись, закрыла дверь и вернулась вновь на место, куда меня девушка посадила.

Вновь осматриваюсь, в углу печка, на ней что-то похожее на котелок. Ещё в одном углу горит какой-то маленький огонёк. Поднимаюсь на ноги и подхожу, всматриваюсь в этот угол. Что это такое? Никогда не видела ничего похожего.

Напрягая глаза, смотрю на огонек, он висит на цепочке, напомнил мне штуку, которой священник в церкви машет. В церкви я несколько раз была и даже службу слушала. Так вот это то же самое, но поменьше. А дальше за огоньком, стоит деревянный квадратик, размером примерно двадцать на двадцать, а на дереве рисунок на икону похож.

Это икона, прихожу я к такому выводу, и старинная.

Думаю, это изба-музей. старинных вещей, а организаторы квеста меня сюда погреться отвели. Ну, всё, успокаивайся Марина, говорю я сама себе.

Вновь возвращаюсь на место, где сидела. Осматриваюсь, что это?

Напоминает по форме матрас, лежащий прямо на полу. Только матрас какой-то очень жёсткий.

Решаюсь пощупать его руками, там внутри всё хрустит. Ощупываю жёсткую ткань и нахожу дырочку, вытаскиваю из дырочки сухую траву. Кошмар какой-то, зачем в матрасе трава?

Голова идёт кругом, не могу понять, то ли от холода, то ли от переживаний, меня немного колотит. А потому решаюсь, прилечь на этот матрас. Снимаю свой короткий пуховичок, ложусь. Немного поёрзав, нахожу удобное положение и накрываюсь пуховиком сверху.

Сама не замечаю, как, но я проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь вновь от криков, спросонья даже не получается понять, что происходит. Открыв глаза, смотрю в потолок, в черный потолок. Рядом со мной на матрасе девушка.

Вспоминаю вчерашний день, сначала университет, потом метро и потом уже этот сумасшедший квест.

Тру глаза, и вдруг в этот момент распахивается дверь. На пороге в клубах пара или тумана, мужской силуэт, он смотрит на нас и вдруг как заорёт:

– Чё, поча думати, се же слышаве?

Он ещё, что-то кричал, но я не могла ничего понять и разобрать. Девушка, спящая рядом со мной, вскочила, что-то ему ответила. После этого мужик исчез, а девушка забежала из угла в угол.

Всё происходило настолько быстро, что я не могла даже

понять, что это всё значит.

В следующий миг девушка сунула мне в руку какую-то тряпку и проговорила:

– Одень, – и руками показала, как снизу нужно одеть.

Я развернула тряпку, это была юбка, длинная и завязывающаяся на веревку. Сил на то, чтобы пререкаться у меня не было, и я натянула юбку на себя, прямо сверху на джинсы. Только я закончила, опять дверь в избушку открылась, и внутрь ворвались два мужика, странно одетые и обутые.

Мужики схватили нас буквально за шиворот, меня потянули за капюшон пуховика. Так нас вдвоём, и вытащили на улицу.

На улице уже стояли люди, мельком на них взглянув, отметила, что они одеты все примерно, как и девушка со мной. И мужики, что вытащили нас из избушки, тоже в какой-то странной одежде.

Нас стояло около десяти, разного возраста мужчин и женщин. Четыре мужика ходили перед нами и что-то громко говорили. Грозили нам кулаками и сложенными в руке хлыстами.

Так пройдя мимо раза три, они вдруг замерли. На конях подъехали ещё трое, посмотрели на нас, а затем спустились с коней.

Один невысокого роста, но крепкий и коренастый подошел ко мне в плотную и стал разглядывать, как обезьянку в клетке. Я чуть смутилась от такого пристального мужского

внимания. Немного помявшись на месте, кашлянула и проговорила:

– Мужчина, можно вас попросить отойти.

Мужик открыл рот и завис так.

А потом заорал, что-то остальным и все семеро тут же подбежали к нам, все уставились на меня. Я не выдержала:

– Мальчики, я бы предпочла выйти из квеста.

Коренастый мужик, схватил меня и заорал:

– Соглядатай!¹

Я открыла рот, меня возмутило, что меня обозвали. Нет, я не знала, что такое соглядатай, но чувствовала, это оскорбление. Пока я была в замешательстве, соображая, что ответить, этот мужик меня ударил в живот.

Мне было настолько больно, что я сложилась пополам и застонала. Остальные мужики тоже накинудись на меня, посыпались удары, от которых я упала на снег.

– Мечники речи не думы лихое. Изуметися она².

Не знаю, что она говорила, но мужики отступили, сверкая на меня глазами.

–Поехали есмы на двор гнэ.

Конные вскочили в сёдла, переговорили между собой, а остальные схватили меня с земли, девушку со мной и вместе с остальными стоявшими, стали нас гнать вперед кнутами.

---

¹ Соглядатай – шпион, разведчик.

² Мечник – княжеский дружинник в Древней Руси; страж, оруженосец Речи – говорить, сказать, лихое – злое, изуметися – лишиться ума

С трудом поднявшись с земли, я практически бегом побежала вперед, подгоняемая криками и щелчками кнутом.

Бежать по неутоптанному снегу было тяжело, я быстро устала, избитое тело болело. Несколько раз вытирала нос, разбитый в кровь.

Не выдержав всё это издевательство, я закричала на мужчин с кнутами:

– Вам это так с рук не сойдёт, я на вас в суд подам.

Тут же ко мне подъехал коренастый мужик, и с высоты лошади, на которой сидел, произнёс:

– Молчати дурная, иль тута тебя отдрюкаю³, – мужики вокруг заржали, как кони.

До меня дошёл общий смысл, сказанного и только открыла рот, чтобы послать его подальше, как за руку меня схватила та девушка из домика.

– Рыци им ти моиа сэстра⁴, -тихо прошептала мне на ухо.

Мне подумалось, она хочет, чтобы я им сказала, что мы сёстры.

–Се сэстра мои, она изуметися⁵, – это она уже мужикам.

Я думаю, это она сказала, что я её сестра.

В это время мой взгляд упал в сторону от дороги, по которой нас заставляли бежать, и я вновь впала в какое-то шоковое состояние. По бокам от дороги шёл неровный ряд из

---

³ Молчати дурная, иль тута тебя отдрюкаю. – Молчи дура, или тут тебя трахну.

⁴ Рыци им ти моиа сэстра- скажи им, ты моя сестра.

⁵ Се сэстра мои, она изуметися- это моя сестра, она безумная.

вырытых в земле землянок, были видны только входы в землю и торчащие из земли травяные копны, я решила, что это крыши. Труб не видно, но из входов, хоть и закрытых валил пар.

Домов подобно тому, где я ночевала, было штук шесть, а остальные, около двадцати, были вырытые в земле. Осматриваюсь, отчего останавливаюсь, запинаюсь и падаю.

– Стояти, – раздается крик того самого, мужика коренастого, что обещал меня отдрюкать.

Думаю, он у них главный, а потому от страха меня немного потряхивает. Когда он спускается с коня и вновь подходит ко мне, трясусь, как заяц, глаза думаю из орбит вылезают.

– Несмысла, младоумеъна суще⁶, – это он мне.

Затем подъезжают запряженные в сани лошади и нас начинают толкать к ним. Я пытаюсь немного сопротивляться и получаю удар кнутом, отчего вскрикиваю. Слышу, как мужики на лошадях смеются. Девушка, назвавшаяся моей сестрой, за руку тянет меня к саням.

Нас всех загрузили в сани и куда-то повезли. Я выглядывала из саней, разглядывая, куда нас везут. Почти ничего не видно, один белый снег вокруг.

Посмотрела на девушку, что пыталась меня спасти от мужиков, назвав сестрой. Нужно хоть познакомиться, и я повернулась к ней:

– Я Марина, а тебя как зовут?

---

⁶ Несмысла – дура, глупая. Младоумеъна суще – глупа смолоду (др.рус.)

Девушка смотрит на меня, будто ничего не понимает. А я глубоко вздыхаю и думаю, из какого же она глухого места Украины или Белоруссии, что даже русский язык не знает.

И тут меня осеняет догадка, может это секта какая-то, меня в неё забрали и живут по каким-нибудь своим староверческим обычаям. А блин, точно староверы они.

Так надо проверить, как они крестятся, сколько пальцев два или три ко лбу прикладывают. Сейчас я выведу их на чистую воду...

Нет, погодите. Поворачиваюсь в санях на спину и смотрю на небо...

А если они украинцы или белорусы, они как крестятся, я не знаю...

Ооо, – вырывается у меня стон, потому, как каша в голове. Надо мной склоняется лицо, всё того же коренастого.

– Аааа, черт напугал – ору потому, что не слышала, улетев в своих мыслях, как он подъехал на коне.

– Не кричати дурная, не чертыхайся⁷, – он отпрянул от меня.

– Отвали от меня идиот, хватит уже говорить не по-русски. Нормально говорите. Вы вообще кто? Украинцы или белорусы?

– Не разуметь ась она глаголит⁸.

– Хватит, – ору я и начинаю плакать.

---

⁷ Не кричати дурная, не чертыхайся – не кричи дура, не призывай чёрта.

⁸ Не разуметь ась она глаголит – не понимаю, что она говорит.

У меня истерика, не помню, чтобы мне было когда-то так плохо. Слышу, как вокруг что-то говорят, но не могу остановиться.

Меня обнимает девушка, назвавшаяся сестрой, похлопывает по спине, успокаивая. И потихоньку я успокаиваюсь, перестаю всхлипывать.

Смотрю на неё, вытираю слёзы и вновь пытаюсь познакомиться.

– Марина, – показываю рукой себе на грудь.

– Ефросинья, – показывает на себя, та в ответ.

– Вот и познакомились, Ефросинья, – указываю на неё.

– За знакомились, Марья, – тычет пальцем в меня.

Ладно, пусть Марья. Хоть, что-то. Мария, Маруся или Мафаня мне уже всё равно.

Марья – или сумасшедший дом.

Не знаю, сколько прошло времени в дороге, но я очень устала. Избитая, замёрзшая уснула, правда ненадолго. Разбудила меня Ефросинья, легонько подёргав за рукав.

Спустившись с саней, поняла вокруг ограда и мы внутри, и я уже не сопротивляясь пошла за группой людей, нас распределили в два помещения. Мужчин загнали в землянку и закрыли. Женщин в низкий завалившийся сарай. Мы с сестрой моей Ефросиньей уселись сено на полу настеленное.

Прошло немного времени, в сарай зашёл мужик, и схватил меня за руку, потянув за собой. Сказать, что я была испуганна, это ничего не сказать. От испуга я громко заорала и заревела, слезы хлынули градом, и я вцепилась в руку Ефросиньи, мертвой хваткой. Мужик был не слабый и так, нас двоих и вытащил из сарайки.

Уже на свежем воздухе, меня и сестру мою, мужик пытался растащить. Крики мои, Ефросиньи и мужика разносились по всей округе. Раздался громкий и зычный голос:

– Отрешати⁹, – как я поняла, это был коренастый мужик.

Мужик отпустил, я стояла, вытирая сопли и слёзы, пытаюсь успокоить своё рыдание. Коренастый у них я так поняла главный, подошёл ближе.

Сказал, что-то мужику, тянувшему меня, тот в ответ со-

---

⁹ Отрешати – отпустить

гласно кивнул головой. А затем повернулся к Ефросинье и проговорил:

– Младоуменья суще¹⁰? – и махнул головой в мою сторону.

– Яко има твое? – это он уже мне, и я увидела, как улыбка коснулась его губ.

От происходящего, от того что всё это никак не могло уложиться в моей голове. А потому, я просто стояла и на него смотрела.

– Есмь Марья, – это сестра Ефросинья.

Коренастый посмотрел на меня, прищунив глаз, и провёл рукой по моей голове, отчего я впала в ступор. Или я дура, или мужик ко мне подкатывает.

Точно я дура, потому как стояла, уставившись на него и хлопала ресницами.

Коренастый отошёл, тот что меня тащил, подтолкнул лезгонько меня и сестру мою к другому сараю, покрепче и побольше.

В этом сарае был настелен деревянный пол, в углу большая копна сена, а ещё было тепло, что было странно.

Немного обвыкнув, я огляделась, расстегнула пуховик и осталась в джинсах и свитшоте, поверх джинсов юбка длинная до пят. В юбке с непривычки неудобно, она на мне аж по земле волочётся, как не подгибаю, спадает.

Устроившись на сене, рядом с Ефросиньей, я решила

---

¹⁰ Младоуменья суще – глупа смолоду

заговорить, тихонько шепотом:

– Фрося, а когда квест закончится?

Она в ответ покосилась на меня, но промолчала.

Я продолжила, прям ей в ухо.

– Камеры везде пишут?

Девка заёрзала на сене и заговорила:

– Люба ти старшому мечнику Марья¹¹.

– Чего? – надоел мне их не понятный язык.

– Мечник? – я указала пальцем на дверь.

– Старшой, – подтвердила она.

Я закрыла глаза и улеглась на сено. В голове крутились её слова, мечник, старшой. Очень похоже на старшего воина с мечом. Так и решила про себя старший воин он.

Так, что она там ещё говорила? "Люба ти" – что это может быть? Люба? Марья я же.

"Люба ти старшому мечнику Марья" – повторяю про себя.

Подскочила на сене, как ужаленная.

– Люба? – тычу в себя пальцем.

– Старшому мечнику? – округлив глаза, смотрю на Ефро-
синью.

– Ти, – говорит она в ответ.

– Вот поверь мне, совсем это не смешно, – говорю, а сама
падаю вновь на сено.

Не знаю, сколько времени прошло, час или два. Попыта-

---

¹¹ Люба ти старшому мечнику Марья – Понравилась ты старшему дружиннику Марья.

лась уснуть, но сон не шёл, по мне так квест был очень жёсткий. Я пыталась сообразить, кто меня на него отправил, или может я сама на него записалась и потом забыла. Ничего не вспомнив и не сообразив, лежала с закрытыми глазами.

Вдруг дверь, скрипнув, открылась, на пороге показался старшой мечник, в руках чашку держал, из неё валил пар, я поднялась, присела. Он подошёл ко мне и сунул чашку в руки, потом достал из-за пояса деревянную ложку и положил в чашку.

– Еси, – сказал и присел рядом на сено и уставился на меня.

Глубоко вздохнув, в ужасе смотрела на него. Но в животе так заурчало, организм отреагировал на запах еды, и я перевела взгляд на чашку.

– Спасибо, – глянула на мужика, тот сидел с открытым ртом.

– Ну, это то самое... – замялась я.

– Благодарю, – может так поймёт, подумала.

– Еси, – повторил, а сам всё смотрел на меня.

Достал, если честно.

Посмотрела на еду в чашке, там была каша, похожа на плохо очищенную перловку с мясом. Запах был не плохой, пахло дымом, с костра видимо. Очень хотелось, есть, около суток во рту не было и соринки маковой.

Зачерпнула ложкой деревянной кашу и в рот, чуть не подавилась оттого, что мне смотрели в рот. Но было ещё, отче-

го я с трудом проглотила мясную кашу, несолёная она была.

Сварена не плохо, но несолёная и жирная. С трудом съела три ложки, а дальше не знала, что делать. Он мне еду принёс, а я отказываюсь. Как-то неудобно, вроде бы.

Ещё две ложки каши проглотила, ругая себя, какая я избалованная и привередливая в еде.

– Благодарю, – протянула мечнику чашку.

Он продолжал смотреть на меня, так и не взял чашку.

– Даи э эи¹². – произнёс.

– Въдажь ми¹³ – это Ефросинья.

Она взяла у меня из рук чашку, и по характерным звукам я поняла, она кушает.

Мне было не уютно, под пристальным взглядом мужика, сидевшего рядом, и чтобы сгладить ситуацию, решила заговорить.

– Мечник, – я ткнула в него пальцем.

Он в ответ удивлённо поднял бровь, и даже рот открыл.

– Марья, – ткнула в себя пальцем

– Марья, – он повторил и улыбнулся.

Я в этот момент глянула на него, пытаюсь рассмотреть.

Крепкий с широкой грудью, волос соломенного цвета, голубоглазый, кожа обветренная, на улице много находится, подумала.

---

¹² Даи э эи – дай это ей

¹³ Въдажь ми – дай мне

–Хотю ти быти наказателе, не изуметися ти¹⁴.

Я вдохнула глубоко, потому, как устала от непонятного языка. В голове рой мыслей.

Уж поняла, ми это мне, ти это тебе, тебя.

" Хотю ти быти наказателе" – это похоже, на хочу тебя наказать.

" Не изуметися ти" – это похоже не изменишься ты,– размышляю.

Ааа, может, не извинишься ты? Точно.

"Он хочет меня наказывать, если я не извинюсь".

Вот же засада, что делать то? Надо с ним пообщаться, может он отмякнет немного.

– Ти старшой мечник, – показала вновь на него.

– Ти девица Марья, красна девица, – он протянул руку и коснулся моего лица, провёл шершавыми пальцами по моей щеке.

Я отшатнулась, а он проговорил:

– Не бои ся, не вбыдлю, Марьюшку, – он подвинулся ко мне, и продолжал смотреть на меня.

Я испуганно стала отодвигаться.

– Сэ сэстра мои, не вдыбле лихое¹⁵, – это Ефросинья, сунув ему в руки пустую чашку.

---

¹⁴ Хотю ти быти наказателе, не изуметися ти – хочу тебе быть учителем, не сумасшедшая ты.

¹⁵ Сэ сэстра мои, не вдыбле лихое – это моя сестра, не делай плохое.

– Нъ ли ти чьто то речи, а мълчи, ¹⁶– это мечник, ей ответил зло, встал и ушёл.

Вышел, а мы с сестрой, названной улеглись на сено, я долго лежала, мне не спалось. Сердце бешено отбивало ритм, меня пугало происходящее. Но усталость сделала своё дело, и я уснула, с надеждой на то, что поутру, всё это закончится.

Утро встретило нас свистом, топотом лошадиных копыт и криками о помощи. Мы вскочили с Ефросиньей, я бросилась к двери, желая убежать, как можно дальше. Но меня отдернули от двери с силой, и я упала на сено. На корточках сестра поползла в середину копны сена, за руку тянув, меня за собой. Сколько мы лежали в сене, не знаю, чтобы дышать сделали отверстия.

Прошло не мало времени, но вдруг дверь распахнулась, и на пороге появился мужик, на вид ещё страннее предыдущих, в его крови была похоже, какая-то не понятная мне, смесь азиата и европейца.

Мои уважаемые и любимые читатели, в книге я попыталась воссоздать разговорный древнерусский язык. Сделать это любителю, достаточно тяжело. Возможно, больше вышла украинская или белорусская речь. А потому приношу свои извинения носителям этих языков, за неправильное использование или

---

¹⁶ Нъ ли ти чьто то речи, а мълчи. – Если тебе нечего сказать, держи рот на замке.

трактовку букв и слов.

За использование в разговорной речи татарских слов, ассоциируя с половецкой речью это моя фантазия, историками в точности, не установлено на каком языке говорил этот народ.

Глава 2

Татаро-монголы или половцы Зима 6677 год от Сотворения Мира – 1169 год от Рождества Христова.

Прошло не мало времени, вдруг дверь распахнулась, и на пороге появился мужик, на вид ещё страннее предыдущих, в его крови была похоже, какая-то непонятная мне, смесь азиата и европейца.

Он приблизился, как будто видел нас или знал, что мы тут. Замер, с мечом в руке, всматриваясь в сено, в том месте, где мы прятались. Мне было страшно, и меня слегка потряхивало.

Я почти в упор смотрела на него, это был светловолосый, и высокий полуазиат. Почему наполовину? Да потому, что только зауженные глаза говорили о том, что в нём течёт кровь Азии.

Буквально в одно движение он бросился в сено и вытащил оттуда, Ефросинью. Она пыталась вырваться, и при этом громко кричала. А я же в шоке от происходящего, как дура даже пошевелиться не могла. Очнулась, только когда он почти вытащил её из сарая.

Тут я уж не сдержалась и бросилась на мужика, пытаюсь вырвать из его рук сестру свою. Но вместо того, чтобы отпустить Ефросинью, он и меня схватил за капюшон пуховика. Потянув за него вверх, он чуть ли не оторвал меня от земли.

А дальше случилось вообще не понятное мне, он устоял на меня не мигая, прям застыл на месте. Я же так и дрыгала ногами в воздухе, поднятая им. В этот миг подбежали ещё такие же азиаты, они что-то проговорили светловолосому, а потом, схватив Ефросинью, куда то потащили, та истошно кричала и вырывалась. Её несколько раз ударили, отчего она вскрикивала.

Меня с силой поставили на землю, я чуть отдышалась, пытаюсь осмотреться и осмыслить происходящее вокруг. Мои глаза скользили по двору, в котором лежали люди. Я открыла рот, желая сказать, как талантливо они играют в квест. Но в это время меня вновь потащил за собой этот светловолосый полуазиат. Меня волокли мимо лежащих людей, и я видела торчащие из них стрелы и лужи искусственной крови. А один мужик лежал с открытыми глазами, не моргая. Мне стало жутко от всего этого спектакля.

Он выволок меня из ворот, и я увидела группу подобных ему людей около ста, не меньше. Большинство были на конях, с мечами и луками, одеты странно, как оборванцы. Часть суежилась возле группы людей из славян, среди них была Ефросинья. Я посмотрела на неё и увидела кровь на лице.

Мне всё это очень не нравилось, и я произнесла, как мож-

но громче:

– Требую прекратить квест или я напишу заявление в полицию, вас засудят за избиение и удержании нас в заложниках.

Толпа мужиков азиатов замерла, уставившись на меня, а я в это время подумала, вот не поленились же и набрали гастарбайтеров казахов или узбеков. В этот момент державший меня произнёс:

– Кенэзлек¹⁷.

– Сам ты козел, – это я ему.

Он подтянул меня к себе, и вновь уставился. Затем дернул мой пуховик так, что молния разъехалась, и он распахнулся. По мне прошлись взглядом сверху донизу, и рукой больно схватились за грудь. Азиат замер, нащупав на мне лифчик с поролоном, удивление отразилось на его лице.

Блин, а чему удивляться то, подумала я. Лифчик не был с пуш-ап эффектом, так тоненький слой. Или он про лифчики в своем ауле не слышал? Или слышал, но не щупал?

И я не удержалась, улыбнулась.

Светловолосый полуазиат открыл рот и продолжал пялиться, на меня.

– Тебя как зовут? Ты откуда? Узбекистан или Киргизия? – меня понесло от нервов.

Мне не ответили, всё так же за шкурку кинули, в открытую телегу-сани. Я сильно ударилась, отчего на глаза навер-

---

¹⁷ Кенэзлек – в переводе с татарского – княгиня.

нулись слёзы, и я уткнулась в сено, настеленное в телеге.

Чуть придя в себя, стала осматриваться, мужчин славянской внешности связывали, и закидывали вдвое саней, двух девушек, одна из них была Ефросинья, ко мне в сани.

Азиаты все расселись по коням, собравшись группой, двинулись вперёд, три телеги поехали следом, последними ехали около десяти конных.

Я чуть приподнялась рассматривая всё это, рядом застонала Фрося и я подвинулась к ней поближе, юбкой утерла ей разбитый рот и заметила, что зуб у неё, похоже, выбит.

Да что же это такое, думала я. Почему всё так жестоко.

Мы двигались так, примерно до вечера. Голодные и замёрзшие, мы ехали целый день, скрючившись в санях. Я уже почти не чувствовала ног и рук, не знаю, но думаю, отморозила бы их. Но тут один из связанных мужчин, вдруг выпрыгнул из саней и бросился бежать к лесу, мимо которого мы проезжали. Не знаю, как ему удалось, но он смог развязать руки. Азиаты остановились, мы тоже напряжённо смотрели на него, бегущего к лесу.

Оставалось немного, когда мы увидели, как за ним направилось три всадника. Они нагнали его у самой кромки леса, схватили, накинув на него петлю из веревки. Так на веревке и потащили за собой, назад до телег. Здесь они спустились с коней и достали мечи.

Как в замедленной съемке, я за всем эти наблюдала. Как мне думается, почти не дыша.

Они склонились над ним и нанесли несколько ударов мечами, я слышала только его вскрики и потом настала тишина. А когда они отошли, увидела красный снег вокруг.

Азиаты что-то прокричали, сани вновь двинулись вперед, по снежной дороге. Мы удалялись, я смотрела назад на красный снег, а потом не выдержала, и спрыгнув с саней, побежала к лежащему мужику.

Азиаты вновь загорланили, засвистели. Я услышала топот лошадиных копыт за мной следом. Но я успела добежать и упасть на колени перед мужиком, и коснуться его руками.

– Кулга тимэскэ¹⁸, – раздалось поблизости.

Я во все глаза смотрела на мужика в снегу, он был весь в крови, но кровь уже не текла. Подняв край рубахи, увидела раны от меча. Такое не спутаешь, не с чем. Пытаясь нащупать пульс и сердцебиение, понимаю, что ничего нет. В голове крутится, он мёртв.

Как такое может быть?

Где я, и почему человек мёртв? Как такое могло случиться?

– Кенагин хезматчесе¹⁹– это проговорили прямо надо мной.

Подняла голову и посмотрела на них, три мужика азиата смотрели на меня. Один из них был светловолосый, тот, что щупал меня. И вдруг смотря на них до меня дошло, это не

---

¹⁸ Кулга тимэскэ – в переводе с татарского – руками не трогать.

¹⁹ Кенагин хезматчесе – в переводе с татарского – слуга княгини.

квест.

Не квест это, и мужик мертв.

Внутри всё холодеет, как будто я лечу в пропасть.

Наверно в моих глазах ужас, от всего происходящего, потому что белобрысый проговорил, что-то своим, спустился с коня и подошёл ко мне.

В его глазах я увидела свою смерть, они сейчас меня убьют за побег. Сглотнув комок в горле, я не нашла ничего лучшего сказать, единственное что вспомнила:

– Салам²⁰.

Светловолосый замер, так и продолжая смотреть на меня.

– Мин Марина, – ткнула в себя пальцем, применив уже все знания татарского. Не знаю почему, но я решила, что это татаро – монголы. Почему они, потому что это все, кого я вспомнила из древних азиатов. Вроде бы мин, это я.

Получается, я сказала: " Я, Марина".

В ответ было молчание. Лошади только фыркали.

А дальше я сделала то, чего сама от себя не ожидала. Я показала на него пальцем, он смотрел на мой палец.

– Мин Мэгужин, – произнёс.

Он ткнул в меня пальцем.

–Кенэзлек Марина, – он развернул меня за плечо и куда-то повёл, взяв под уздцы своего коня.

Сам ты козел, подумала, но противиться не стала.

Мы отошли немного, и он достал из седельной сумки, что-

---

²⁰ Салам – вольное воспроизведение, приветствия – Привет!

то завернутое в тряпку. Развернул и дал мне кусок лепёшки и белого, вроде бы сыра.

– Ууу, рахмат, – это всё что нашлось в моей голове.

Я взяла, не подыхать же с голоду. Вернулась к саням, где на меня во все глаза смотрели Ефросинья и вторая пленница. Лепёшку и сыр, разделила на три части, сыр был похож на брынзу, солёный сильно.

Пока жевали, девушки, смотрели на меня шокировано, в их глазах я была сумасшедшей.

А может и правда, я брежу. Всё это похоже на бред сумасшедшего.

Глава 3

Конец зимы 6677 год от Сотворения Мира – 1169 год от Рождества Христова.

Мы долго ехали, стало вечереть, на пути какое-то небольшое селение. Как выяснилось, оно было заброшено людьми или же их, как и нас угнали в полон.

Про полон, я вспомнила из уроков истории, помню в учебнике была картинка людей, угоняемых в рабство. Но, пожалуй – это всё, что помню. Начались нашествия в тринадцатом веке и около двухсот пятидесяти лет длилось. Значит сейчас тринадцатый, четырнадцатый или пятнадцатый век.

Пока раздумывала, телега остановилась. Подняла голову, смотрела, как связанных мужчин потащили в полуразрушенный сарай. Нас девушек, в том числе и меня в другой.

Мы собрались втроём в круг, нам думалось, так будет теплее. Только сомкнула глаза, желая уснуть, дверь распахнулась. От усталости, даже не успела поднять голову на шум.

В одно мгновение меня схватили и потащили. Я почти не сопротивлялась, сил не было, и только посмотрела, это был светловолосый полуазиат. Он потащил меня к двери сарая,

к нам бросилась Ефросинья и заголосила:

– Младоуменъа суще!²¹

Фросю оттолкнули, дверь закрылась, и её подпёрли бревном.

Меня втащили в низкий дом-землянку, усадили куда-то. Мне уже было всё равно, в голове туман, хотелось, есть, пить, а больше всего спать. В землянке было тепло, углу потрескивала печка.

А дальше, случилось странное. Услышала плеск воды, подняв голову, увидела, как в деревянный продолговатый таз из металлического ковша льют воду. Вода парила, а значит была горячей.

Светловолосый, что-то проговорил, но я не поняла.

– Марина, юыну²².

Он взял меня за руку и потащил к тазу. Затем остановившись, стащил с меня пуховик и кинул на место, где я сидела. Рукой зачерпнул воду из таза и брызнул мне на лицо. От неожиданности я отскочила в сторону, а мужик заржал.

– Мэгужин, так нельзя – из того, что я сказала, думаю, он понял только имя своё.

Он вновь посмотрел на меня, а потом вышел, хлопнув дверью.

Глубоко вдохнув, я закрыла глаза. Мне было страшно, я устала, и не выдержав заревела. Присела наподобие крова-

---

²¹ Младоуменъа суще – глупа смолоду (др. рус.)

²² Юыну – мыться на татарском.

ти, куда бросил азиат мой пуховик. Голова шла кругом, что делать, как быть. От задаваемых самой себе вопросов, мне стало только хуже.

Огляделась на печи в углу, шёл легкий дым. Большой ковш, стоящий на ней был с водой, и она кипела. Нашла тонкое поленце рядом с печью, просунула в ручку двери и сделала подобие запора.

Оторвала от своей юбки кусок ткани, она всё равно длинная была. Этим куском взяла ковш и добавила горячей воды в таз. Быстро разделась до пояса, умылась. Потом мокрой тряпкой обтерла тело. Мыть голову без шампуня не решилась, да и простыть на таком холоде не хотелось.

Оделась, вытащив полено из ручки, открыла дверь и выплеснула воду из таза. Легла на лежанку-кровать. Вроде бы согрелась, от печки было тепло.

Раздумывала над тем, как попала в этот мир, или может это не другой мир, а я переместилась во времени в прошлое. Страшно, совсем не хочется здесь быть. Меня пугает мир без удобств, без родных, без всего что дорого и к чему привыкла. Мне понятно, что долго я здесь не протяну. Не знаю, языка и их древних понятий, и обычаев. Вот, например, зачем он притащил меня в землянку отдельно от девушек, зачем показал мыться? Мысль, что мелькнула у меня, совсем мне не понравилась. Отогнала от себя её, и вновь разревелась.

Сама не заметила, как уснула.

Проснулась вновь от криков и шумов, это похоже на де-

жавю, в этом мире или времени, всегда чинят разборки ранним утром. Подняла голову, светловолосый полуазиат лежал рядом и спал. Я легонько его толкнула, он открыл глаза и посмотрел на меня. Мотнула головой в сторону двери, он замер на миг. А затем видимо сообразил, что происходит, вскочил, схватив ножны с мечом, бросился к двери.

Я тоже подскочила, стала одевать пуховик, которым была укрыта, промедлив пару минут, направилась к двери, но не успела пройти пару шагов. В этот миг дверь распахнулась, и в неё ввалился один из азиатов, с выпученными от боли глазами. Этот был очень крупный, высокий, какой-то не типичный для монгола. В животе у него торчал меч, он держался за него и наступал на меня.

В следующий миг он дёрнул меч из себя и отбросил его. В ужасе смотрела, как из его рта потекла кровь, смешанная с пеной. Он сделал ещё один шаг, ухватившись за меня начал падать. Так вдвоем мы и упали на деревянный настил. Больно ударившись телом и головой, я чуть не потеряла сознание.

Застонав от боли, попыталась вылезти из-под большого и здорового мужика, но у меня ничего не получилось. А ещё я почувствовала, как джинсы под юбкой стали намокать. Меня придавило, сдвинуться невозможно, дышать стало трудно. Я стала кричать и звать на помощь.

– Помогите!!! На помощь!!!

Дышать уж было невозможно, джинсы между ног промокли ещё сильнее, от тяжести я закрыла глаза.

И вот в этот миг дверь распахнулась и впустила клубы холодного воздуха, почувствовала по запаху, но глаз не открыла, боясь смотреть. Кто резко подошёл, и в один миг сдернул с меня азиата, я распахнула глаза, и обомлела.

Передо мной стоял старший мечник, и смотрел на меня. Его голубые глаза смотрели на меня с болью, ещё миг, и он опустился рядом на колени.

– Марьюшка! Ми Марьюшка! Жива, Марьюшка!

Он наклонился ко мне и приподнял мою голову руками, погладил по голове.

Затем его глаза скользнули по мне сверху вниз. Взгляд замер где-то ниже поясницы, после чего он поднялся на ноги и встал почти у моих ступней. А дальше он резко задрал, подол юбки и на миг замер.

Я испуганно смотрела на этого коренастого мечника, представляю, что может подумать мужик, из прошлого впервые увидевший под юбкой джинсы. Понятно у него шок.

Приподняла голову, мечник перевёл взгляд на меня, а у меня началась истерика. Сперва я заплакала тихо, слезы потекли. А потом завывала, сотрясаясь в рыданиях.

– Марьюшка ми, вэльми поздн²³.

Он опустился вновь рядом, приподнял меня за плечи и прижал к себе, обнял.

А я примолкла, потеряв дар речи.

---

²³ Марьюшка ми, вэльми поздн. – Марьюшка моя, слишком поздно.

Мы так долго сидели на полу, он обнимал меня, немного покачивая и успокаивая. Мне вроде бы стало легче, я поняла, меня не обидят, под конец шмыгнула носом.

Коренастый подскочил, проговорив, направился к двери.
– Пожди мене!²⁴

Это я поняла, подождать его надо.

Пока он ходил, я стащила с себя джинсы, они оказались в крови от мертвого мужика, что так и лежал в землянке. Джинсы мокрые, сняла потому, что на морозе они замёрзнут и колом встанут. Но выбрасывать я их не стала, надеюсь, отстираю и ещё поношу. Свернула и завернула в тряпку с лежанки.

Именно в этот момент, вернулся мечник, он притащил ещё одну юбку и что-то похожее на пальто, с мехом. Подошел ко мне и достал меч, склонился и ухватился за юбку, потянул. Увидел, что я без джинсов, поднял на меня глаза. Потом скользнул рукой, по моей щиколотке.

Я дернулась и отскочила в сторону.

– Не бои ся, не вбидлю, Марьюшку. – что-то подобное я слышала.

Он вновь приблизился и опустил на колени, и мечом чиркнул по юбке. Получилось две половинки, он подвязал их так, что получились шаровары.

Потом подал мне юбку и пальто, я одела, не думая даже противиться.

---

²⁴ Пожди мене! – подожди меня.

А затем вывел меня за руку на улицу.

Сердце бешено стучало, когда я осматривалась. Это было ужасно, вокруг лежали убитые азиаты, были слышны стоны. От страха я зажмурила глаза, меня повели дальше.

Чуть вдалеке стояла телега, в ней уже сидела Ефросинья, мы подошли к ней и мою руку отдали в руку названной сестры, а она потащил меня в телегу. Недолго думая влезла и стала осматриваться. Старший мечник ушел, оставив меня с Фросей.

Мелькали конные воины, носились туда-сюда.

Вдруг Ефросинья стала смотреть вперед и проговорила:

– Конязь Ольг притэкль, помочи.²⁵

Я поднялась в телеге и посмотрела туда, куда он смотрела.

Впереди на мощном вороном коне возвышался крупный мужчина, он сжимал в руке меч и осматривался вокруг, оценивая все происходящее.

---

²⁵ Конязь Ольг притэкль, помочи.– Князь Олег пришёл на помощь.

Глава 4

Последние дни зимы 6677 год от Сотворения Мира – 1169 год от Рождества Христова.

Впереди на мощном вороном коне возвышался крупный мужчина, он сжимал в руке меч и осматривался вокруг, оценивая все вокруг.

Я повернула голову к названной сестре, и спросила:

– А, где девица?

Это я про третью в наших санях.

Фрося ничего не ответила, продолжая озираться по сторонам. А я подумала, или она меня не поняла, или ей, нечего сказать. Допытываться не стала, эмоции бурлили, и напряжение витало в воздухе.

Прошло минут пятнадцать, вдруг подошел мужик из тех, что везли связанными, на санях и сел впереди. И стегнув запряжённую лошадь, развернув наши сани, направил их за конными воинами.

Выстроился целый караван, конные, потом наши сани, за нами двое саней с ранеными и вновь конные воины. Мне показалось, мы возвращаемся по той же дороге, что ехали сюда.

Путь был не лёгкий и далёкий, но в этот раз я была спокойнее. Всё же я среди своих, и мечник мне казалось в обиду не даст. Так мы ехали так полдня, а затем встали на привал. Я раздумывала, над тем, кто на нас напал, и куда теперь везут.

– Ефросинья, это кто? – я заузила глаза пальцами, и мотнула головой назад.

Он смотрела на меня, не понимая, что я от неё хочу.

– Татары, монголы? – вновь сделала узкие глаза.

– Ааа, половць, – махнула рукой, туда, откуда мы ехали.

– Половц, – промямлила, пытаюсь вспомнить хоть, что-то из уроков истории.

Вот если бы знала, вызубрила бы все учебники и библиотеку бы всю наизусть.

Помню такое слово, половцы. Помню, нападали на Русь.

И больше ничего, когда и сколько не помню, даже век не помню, до или после татаро -монголов.

Вообще-то я не гуманитарий, мне больше по душе математика, физика, информатика. А история у моих ровесников вообще не в почёте.

Мне ещё языки нравятся, например, я знаю латынь. Откуда? Мама у меня медик и потому, это первый язык который выучила. Папа мечтал увидеть меня врачом, а я вот подалась в программирование.

Вот сейчас в санях, среди бескрайних снегов, оно мне прям понадобится.

Привал, загорелись костры, кажется, готовят еду, запахло

вкусным.

Прошло какое-то время, я лежала в санях на соломе и смотрела в небо. Морозный воздух, ясное голубое небо я люблю такую погоду, но сейчас мне явно не до красот природы. Мне бы вернуться, в Москву на Замоскворецкую линию метро и было бы мне счастье.

Но нет, подошел один из воинов, хмуро посмотрел на нас и сунул Фросе глубокую чашку с едой и деревянную ложку. Девушка взяла и покосилась на меня, а потом сунула чашку мне.

–Благодарю, – сказала и принялась есть.

Это был густой суп или каша с жижей, вкусный с костра. Он был без картошки, вместо неё было что-то похожее на морковь²⁶, только белое. А ещё крупа, напомнила мне булгур, и много мяса, большие куски. Было очень сытно, и даже слегка подсолено. Съела где-то одну треть и насытилась, и потому сразу же передала Фросе, которая всё это время смотрела на меня голодными глазами.

Спустилась с саней, решив немного размяться, поправила юбку на себе, ту, что мечник принёс, и вдруг поняла, что видела такую на девушке, что ехала с нами в санях.

Внутри похолодело от предчувствия. Страх накрыл меня с головой, до меня дошло, что жизнь моя в опасности, и закончится, это может, не так как мне бы хотелось.

Что с ней случилось, где она?

---

²⁶ Моркови в те времена не было на Руси, это была репа или редька, и брюква.

Осмотрелась вокруг, в этот миг ко мне быстрым шагом приближался мужик один из связанных половцами, он вёл за собой трех вооруженных воинов славянской внешности. Когда они подошли он стал тыкать в меня пальцем и говорить:

– Эсть права, соглядатай.²⁷ Она глаголюще половць.²⁸

Мне его слова совсем не понравились, я уж понемногу понимаю, что они на своем языке говорят.

Меня, похоже, винят в разговоре с половцами, типа я предатель.

– Я не соглядатай, не ври. Не лги.

На меня ошарашено смотрят воины, не понимая мою речь.

В этот момент в разговор вступает Ефросинья:

–Сэ сэстра мои, она изуметися²⁹. Младоуменьа суще.³⁰

Защищает меня, я это понимаю. Интересно, что это младоуменьа суще.

Воины, повернулись к мужику, и стало понятно, ему сейчас достанется за длинный язык. Но тут вдруг, подъехал мой защитник, старшой мечник.

– Отрешати, не трогати. Мои девица,³¹ – он прикрикнул, и воины с мужиком отошли.

---

²⁷ Эсть права, соглядатай – Она настоящий шпион.

²⁸ Она глаголюще половць – Она разговаривала с половцами.

²⁹ Сэ сэстра мои, она изуметися – это моя сестра, она безумная.

³⁰ Младоуменьа суще – глупа смолоду (др.рус.)

³¹ Отрешати, не трогати. Мои девица – Отойди, не трогать. Моя девушка.

Мечник спустился с коня и подошел ко мне. Я смотрела на своего защитника, и подумала наверно нужно познакомиться поближе и поэтому заговорила:

– Сэ сэстра мои, Ефросинья, – ткнула в Фросю.

– Марья, – ткнула в себя.

– Яко има твое? – я вспомнила его слова, благо на языки у меня память хорошая.

Это я мечнику, ткнув в него пальцем.

Улыбка появилась у него на лице, и он вновь стал гладить меня по голове.

– Есмь Волибор, – проговорил, а сам смотрит на меня.

– Волибор, добро, – проговорила и улыбнулась.

– Добро, красна девица, Марьюшка, – и он улыбнулся.

Ну, всё вроде бы контакт налажен.

В этот миг раздаётся громкий голос, и я смотрю в сторону, откуда он звучит. Вновь вижу, впереди мощном вороном коне, возвышается силуэт крупного мужчины, мечник садится в седло и устремляется в направлении силуэта. Я всматриваюсь вдаль и провожаю взглядом силуэт князя на мощном коне.

– Напередь итим пжть.³²

Голос был настолько мощный и грозный, пропитанный ощущением власти. Мне совсем не хотелось пересечься с обладателем этого голоса. Поежившись не от холода, а скорее от страха, я вновь уселась в сани.

---

³² . Напередь итим пжть – Вперед, идём в путь.

Остаток дня и пути, прошли спокойно. В сумерках мы въехали во двор, часть конных воинов, отправились дальше, надеюсь и князь с ними. Опасалась, что ему донесут, что я с половцами разговаривала, и кто его знает, как он отреагирует.

Во дворе осмотрелась и узнала то место, откуда нас и забрали половцы. Нас вновь отправили в теплый сарай и недолго думая, мы с Ефросиньей, прижавшись друг другу уснули.

Проснулись поутру, Ефросинья выглянула из сарая и где-то раздобыла нам лепёшку и воды. Мы поели, и тут в сарай зашел незнакомый мужик и произнёс:

– Сбирати приъхати жить княженецкий двор.³³

В общих чертах поняла, нас отправляют на княжеский двор. Ефросинья смотрю, взбодрилась, ей эти слова понравились, а я опасалась, не доброе было у меня предчувствие. Но деваться некуда, сели в сани и поехали.

Добирались почти до обеда, думаю часа четыре.

Когда подъехали, я была удивлена, издали был виден дом из белого камня этажа три, или два, не понятно, как считать нижний цокольный. Церковь рядом, проходом со второго этажа объединена с княжеским домом, колокольня при церкви высокая. Все постройки были каменные, из неровно-

---

³³ Сбирати приъхати жить княженецкий двор – Собирайтесь, поехали жить на княжеский двор

го камня, белого или серого.

Ворота большие, по краям башни, внутри двора с десятков разных построек. Это всё, что я успела увидеть в момент приезда. Мужик, сразу завел нас в один из небольших домов. Как я поняла, это был дом для прислуги, кухонных работников и людей, работающих на княжеском дворе. Приняли нас не плохо, люди были простые, не заносчивые. Ефросинья всем говорила, что я её сестра и, что я "младоуменьа суще".

Нас накормили, и даже одежду дали. А вечером ещё и в баню отвели, натоплена она была крепко, дыма только в бане было много, не привычно мыться в сумраке свечи. Фрося странно на меня смотрела, когда раздевалась. Она даже потрогала пальцем снятые лифчик и трусики, н ней была только нижняя рубаха, да платье сверху. Но справилась, мы намылись и раскрасневшиеся в чистой одежде вернулись в дом для прислуги.

Спали в отведённой нам малюсенькой комнате, где на полу был деревянный настил, возвышавшийся над полом, сантиметров на двадцать. На нем матрас, на матрасе войлок мягкий и сверху простынь.

Спала я после бани крепко, снился пугающий меня силуэт мужчины на коне, стоящий посреди перрона на станции метро Павелецкая. Проснулась с ощущением ужаса, так больше и не заснула.

Целый день мы бездельничали, нас не трогали. Мы знакомились с жителями этого дома, это был повар, толстая Ага-

фья и две её помощницы Аграфена и Анисья. Ещё в мы познакомились с двумя девушками, прибирающимися в доме князя Глафирой и Устиной. Пообедать к нам заходили кузнец и конюхи, люди из охраны двора и княжеский покоев.

Я наверно выглядела для них непривычно, волосы у меня хоть и были заплетены Ефросиньей мне в косу, но были короткие, до пояса сильно не дотягивали. У местных девушек минимум до попы доходили. Поэтому на меня смотрели, как-то странновато. Молодой конюх Ефим, аж ложку мимо рта пронёс, отчего получил подзатыльник от Анисьи.

Нам объяснили, что по двору за зря не ходить, на глаза князю не попадаться, встретив князя кланяться ему до земли, надо, кстати, посмотреть, как они это делают, потренироваться, так сказать.

Когда все разошлись после обеда, я со скуки вновь загрустила, сестра названная ушла куда-то на кухню с поварихами, я не знала, куда себя девать. Подумала, может сходить на конюшню, лошадей посмотреть, а лучше и покататься бы на них.

Ещё три года назад, в своем городе я ходила в конный клуб и училась верховой езде, отдала этому четыре года. Я делала успехи и участвовала в областных соревнованиях, брала призы. Но уехав в Москву, я выбрала учёбу, считая, что это мне больше нужно в жизни.

Выглянула в дверь на дворе никого, и потому потихоньку побежала к зданию, которое я опознала, как конюшню.

Добежала благополучно, заглянула и никого не увидела. Тихонько открыла ворота в конюшню и вошла. Лошади были в стойлах, осматриваясь, я дошла до высокого и мощного вороного коня. Засмотрелась на красавца и не заметила, как подошел конюх.

– Любо? – раздалось за спиной.

Резко и испуганно обернувшись, увидела конюха Ефима, хорошо хоть этот молодой, а не бородатые хмурые мужики.

– Любо, красный, – кажется, я делаю успехи в языке.

– Княженецкий, – добавил Ефим.

– Ефим, мога? – ткнул пальцем в проход конюшни, хотелось ещё посмотреть лошадей.

– Мога, – он повел меня дальше, показывая лошадей и говоря их клички.

Мне понравилась одна кобыла, светло-серая в яблоко, имя её было Надея, я ещё не знала, что это значит. А когда узнала потом, поняла, что это знак судьбы. В этот момент, в конюшню с противоположного входа, вошла группа вооруженных мужчин, они были в кольчугах и шлемах, на поясе в ножнах мечи. Они громко разговаривали, увидев меня, направились в нашу сторону, что-то выкрикивая.

Опять я почувствовала себя в опасности, а потому бросилась к дверям из конюшни. Стрелой выбежала во двор под смех этих мужиков. От страха слезы полились из глаз, я даже не видела, что во дворе несколько всадников. Когда забегала в домик для прислуги, услышала за спиной.

–Марья!

Но я не остановилась, вбежала в дом и замерла за дверью. Так и осталась стоять, прислушиваясь к происходящему. А потом любопытство одолело меня, и я выглянула в приоткрытую дверь.

А увидела старшего мечника, вбегающего в конюшню, и дальше услышала громкие крики. Кажется, это была ругань, с трудом до меня дошёл смысл. Мечник, ругался с воинами, а в конце сказал – " Девка мои, она изуметися" " Ни трогати".

А дальше он быстрым шагом направился в мою сторону, я отскочила от двери и побежала внутрь, желая спрятаться. На весь домик раздался его грозный голос:

– Ефросинья, поди сюды! – я обомлела от страха, он оказывается грозным может быть.

Забившись в закуток, я надеялась он не найдёт мою названную сестру и ей за меня не достанется. Но нет, вскоре раздалась её крики на весь дом. Не выдержав её истязаний, побежала в сторону двери и криков оттуда, и застала такую картину. Мечник схватил её за косы и таскал по полу, приговаривая:

– Ти не глядати зэ сэстра, не глядати. Лихое, она изуметися, ти не глядати.³⁴

У меня глаза на лоб полезли, Ефросинья плакала и причитала. Понимая, что ей досталось из-за меня, тем более в

---

³⁴ Ти не глядати зэ сэстра, не глядати. Лихое, она изуметися, ти не глядати – Ты не глядишь за сестрой, не глядишь. Плохо, она же безумная, а ты не глядишь.

разговоре он упоминал сестру, то есть меня. Я заорала, первые попавшие на ум слова и бросилась к мечнику:

–Отрешати, не трогати, – помню, этими словами от нас он отгонял мужиков.

Ору, а сама хватаюсь ему за руку, хочу, чтобы он косы отпустил Ефросиньи.

И он отпустил, уставился на меня, блин понимаю, что мужик похоже и правда на меня запал, залип и завис. Короче всё сразу и понемногу. Повернувшись ко мне, косы отпустил, Ефросинья убежала, а он заговорил.

– Напужал, Марьюшку. Не боися, не вбыдлю, Марьюшку.

– Волибор, не можно, сэстра Ефросинью за волосы, – показала на свою короткую косу.

Он уставился на мою косу, опять почувствовала себя не в своей тарелке.

А он присел на лавку у стола, и вытер пот со лба. И произнес, показывая на косу.

– Кто сэ оучинил?

Стою глазами хлопаю, понять бы, что он спросил.

Думаю, интересуется, почему короткая.

– Ми любо, – говорю ему, типа мне так нравится.

– Негоже, – отвечает.

Вспоминаю, где-то слышала или читала, обрезанная коса позорит девку, типа как бы обозначает, что она лишилась невинности.

– Волибор, не вбижай сэстра мои, – надеюсь, он понимает,

меня.

– Марью, хотю ти быти наказателе, не изуметися ти³⁵.

Хочет наказать меня? И говорит, что не изуметися я. А вот Фроська всегда говорит, что я изуметися, и от меня все сразу отстают. Надо узнать уж, наконец, что это такое "изуметися". На из ума, похоже.

– Волибор, добр.

– Марьюшка, еси красьна, – он погладил меня по голове, улыбнулся.

Тут со двора раздался крик, его по имени кричали, он встал и вышел.

---

³⁵ Хотю ти быти наказателе, не изуметися ти – хочю тебе быть учителем, не глупая ты.

Вай, мама, кто это?

Вай, мама, кто это?

Так минул день, пошел второй. Меня оставили при кухне, чистить овощи, мыть посуду, убирать со стола, сестру, названную взяли в княжий дом, убираться. Не сказать, что я рада была этому, но нужно было, как-то привыкать к новой жизни. Нелегко было, все ногти стирала, начищая песком да золой, котлы. Так пошли дни за днями, я учила новые слова, пыталась говорить.

Мечник появлялся редко, думаю, был занят. Но когда появлялся, всегда приходил ко мне и дарил подарки. То ленту в волосы, то гребень, то бусы, а я улыбалась и благодарила. А ещё он радовался моим успехам, всё что узнавала или чему научилась в его отсутствие, рассказывала ему.

Но недолго было спокойствие, в один из дней Ефросинья вдруг заболела, и меня отправили убираться в княжеский дом. Мне дали тряпье и деревянное ведро, и отвели с отдельного входа в большой дом. Предупредили князю на глаз не попадаться, но если такое случится кланяться до полу, появляется здесь князь по вечерам, а потому убиралась я по утрам.

Но я и сама не горела желанием, зачем мне с ним сталкиваться, лишних проблем мне не надо.

Убираться, как оказалось мне надо в трех комнатах, на

втором этаже одна, на первом две. Комната на втором большая и на первом две поменьше. Два длинных коридора и лестница между ними.

Я мыла пол и вытирал пыль, приносила чистые холсты для постелей. В этих комнатах жили три девушки, одна из них была на вид не из русских.

Им прислуживала девушка из дворовых, Звенкой звалась. Она стелила им постели, носила еду, убирала и расчёсывала волосы, убирала ночные горшки, и выводила их на прогулку в садик, возле входа в их часть дома.

Раньше я видела этих девушек, думала родственницы князя, сёстры там или племянницы, может ещё кто. Но все они были стройные, длинноволосые и красивые.

Вот на третий день своей уборки, убравшись в комнатах, вылив грязную воду, налила и с трудом дотащила тяжёлое деревянное ведро, по лестнице на второй этаж.

Мыть приходилось в ручную, о швабрах здесь и не слышали. Подоткнув длинный подол юбки за пояс с одной стороны и с другой, получилось чуть ли не мини юбка. Вымыла коридор с одной стороны, по направлению к лестнице, прополоскала и отжала тряпку, стала вытирать на сухо, Мурлыча себе под нос песню, ну может не мурлыча, а немного горланя, я напевала:

– Вай, мама, кто это? Вай, мама, кто это?

Вся из сусального золота, золота

Вай, мама, кто это? Вай, мама, кто это?

Вся из сусального золота, золота, золота

Я немного помогала себе, пританцовывая, слегка изображая танец живота. Ну, надо себе как помогать поднять настроение и не прогнуться под тяжестью испытаний, что мне выпали.

За всем эти я не видела, как открылась за моей спиной дверь. Так намывала и пританцовывала дальше, пока моя попа не упёрлась во что-то твёрдое. Остановившись в позе попа кверху, я опустила взгляд и глянула на пол, между своих ног. Там стояли сапоги, из черной мягкой кожи.

Сапоги стояли не сами по себе, в них стоял мужчина.

– Ой, – это всё, что я с испугу смогла, сказал, схватив ведро и тряпку, побежала вниз по лестнице и выбежала на двор.

Весь остаток дня я тряслась, опасаясь последствий, но обошлось.

Сестре моей названной стало хуже, по моим ощущениям и познаниям от мамы медика, ОРВИ переросло в воспаление лёгких. Она сгорала от жара и сильно кашляла.

Мне было страшно потерять ставшего близким мне человека, подругу мою. Она помогала мне и поддерживала, и я не могла её бросить. А потому, мне нужно было действовать, чтобы её спасти.

Я отпросилась сходить в лес, нужно было набрать коры и сухих листьев с деревьев, ну хоть что-то предпринять. Думаю, дуб и береза подойдут, сосна хорошо.

Войдя в лес, углубляться далеко не стала, побаивалась. На

входе сломала две ветки сосны да ели, запарю в горячей воде и думаю дышать дам над ними. Потом срезала ножом кору с сосны, ели, березы и ивы и можжевельника. Набрала сухого листа с берёзы, можжевельника ягод. А потом мне повезло, и я нашла несколько сухих веточек с липовым цветом.

Довольная своей добычей, я пошла на выход из леса, и тут наткнулась на куст малины, нарвала сухих листьев, и вдруг услышала ржанье коня. Страшно стала, рванулась бежать.

Бегу, сама оглядываюсь и кажется мне, что кто-то за мной наблюдает. От страха, бегу, не разбирая тропинки, быстрее добраться до ворот в княжеский двор. У ворот охранники-сторожа, глянули на меня мельком и стали приоткрывать ворота, торопят меня:

– Приди иако мога бърже. Конязь Ольг, бързо возвернеться из бора.

Прошмыгнула в ворота, и бегом. Я уж немного понимаю, речь их. Меня просили пройти, как можно скорее, потому как скоро князь Олег вернётся из лесу, не хватало ещё на глаза ему попасть.

Получается, он в лесу был, что там делал?

На охоту вчера ездил, целой толпой, и сегодня на кухне жарят птицу и зайцев. Но, в общем-то, мне всё равно, нужно быстрее отвар соорудить и настой для ингаляций.

Делаю два отвара, один из коры и можжевельника, второй из листьев и липового цвета. Ещё завариваю веточки и иголочки сосны и ели, и немного коры.

Пою отварами, жар у Фроси и потому она их с жадностью пьет. Потом приподнимаю её до сидячего состояния и подношу лоханку деревянную с запаренной хвоей, и накрыв большой тряпкой, прошу подышать.

После питья обильного, она засыпает. А я беспокоюсь сижу рядом, не отхожу. Вечером вновь всё повторяю, и в ночь Ефросинья уходит, немного похлебав жидкой кашицы.

Утром, проснувшись, успеваю приготовить отвар из коры, проснувшаяся сестра, вся мокрая и значит, спал жар, и упала температура. Меняю ей рубаху и холст на лежанке, пою отваром и убегаю убираться. Схватившись за ведро и тряпку, зачерпываю ковшом большим, воды из бочки, и бегом к входу в дверку сбоку княжеского дома. Тороплюсь потому, как хочется побыстрее вернуться к Ефросинье.

Начинаю со второго этажа мою комнату большую в которой живет девушка черноволосая, и на мой взгляд не славянских корней, похожа на турчанку или девушку с Кавказа. Девушка не очень приветливая, не здоровается и не вступает в разговор. Всё молчком, или думаю, может, не понимает местную речь. Но сегодня я об этом не думаю и быстро убрав, намываю коридор и лестницу.

Сменив воду, убираю на нижнем этаже в первой комнате, в ней никого, пустая она, затем в коридоре, продвигаюсь ко второй комнате. Вновь пячусь задом, попой кверху, в этот раз юбку уж не задираю.

Дверь во вторую комнату открыта, когда проходила мимо

с ведром воды, в ней никого не было. А потому спокойно вымыв коридор, останавливаюсь на пороге комнаты и подолом платя вытираю пот со лба. И вдруг слышу за спиной мужской голос:

– Вай, мама, кто это?

Резко обернувшись, смотрю в комнату. Там на невысокой постели сидел мужчина, я не успела ничего сказать или сделать, просто смотрю на него, открыв рот.

Мужчина тоже смотрел на меня и через миг, поднял руку, поманил меня в комнату.

Глава 5

Первые дни весны 6677 год от Сотворения Мира – 1169 год от Рождества Христова.

Мужчина смотрел на меня и через миг, подняв руку, поманил меня в комнату.

Поморгав ресницами, я отмерла и стала рассматривать мужчину передо мной. А ему было около двадцати пяти лет, черноволосый, с такой же темной бородой, с темными выразительными глазами. Может он и не был красавцем, но был очень хорош и притягивал взгляд, подавляя мощью и властью.

Я решила, что он из княжеской охраны если судить по одежде, возможно один из старших мечников, воинов то есть. В растерянности смотрела на мужика, не зная, что делать. Нужно как-то из этой ситуации выходить, думаю лучше завязать разговор, и я не нашла ничего лучшего, как познакомиться.

Вошла в комнату и немного приблизилась, на пару шагов всего.

– Есмь, Марья.

Мужчина встал, и я увидела, как он высок ростом, крепок в плечах, богатырь прям.

Чуть залипла, похлопала вновь ресницами, проговорила:
– Яко има твое?

Мужик молчал, сверлил меня взглядом, осматривая сверху вниз, и затем снизу вверх.

Пока соображала, что делать дальше, мужик в два шага резко приблизился ко мне. От неожиданности задрал голову, посмотрела в его глаза, и потерялась в темных омутах.

Это минутное замешательство, минутное промедление стоило мне дорого. Одной рукой он отодвинул меня к стене, и тут же собой вжал меня в неё. Удерживая меня своей широкой грудью, он двумя руками стал задираť мою юбку.

Я поступила так, как поступили бы многие из моих современниц, почти по инерции заехала ему по лицу тряпкой, которой мыла пол. Вот что было в руках, тем и прошлась по его наглому лицу.

Мужик точно не ожидал от меня этого.

Он отступил и выпустил меня из рук.

Ошарашенно смотрел на меня, моргал ресницами.

Подхватив юбку двумя руками, я побежала прочь из дома.

Вбежала в дом дворовых людей, и там скрылась в нашей с Ефросиньей комнате, забилась в угол и сидела, тряслась от страха. Сначала во дворе было тихо, но вдруг поднялся невероятный шум. Шум иногда прерывал громкий мужской голос, отдающий приказы.

Прошло немного времени, и я услышала, как внутри дома вбежали люди, хлопнула дверь на входе. Затем раздался громкий топот ног, и я совсем замерла, притаилась, почти не дыша.

Но тут вдруг дверь в комнату распахнулась и на пороге я увидела четверых мужиков, из дворовых. Лица были знакомы, они приходили, обедать, и ужинать, часто видела их за столами.

Они резко подошли ко мне и схватили за руки, и потащили за собой. Я сопротивлялась, пыталась отбиться, в этот момент третий схватил меня за волосы и тоже потянул к двери. Было больно и страшно, я не понимало что происходит, куда меня тащат.

Меня выволокли во двор, волокли по земле, и им было плевать на мои крики. На крики выглядывали люди, кто-то тут же прятался, а кто так и оставался, стоял и смотрел.

– Ааа, помогите, отпустите менняая...

Люди, слыша мои крики, крестились, видно было им жалко меня, но и страшно вступиться.

Увидела молодого конюха Ефима, он выбежал из конюшни и бежал за нами следом.

Потом, что-то сказал мужикам, что меня тащили. Те, ему грубо ответили.

Но я ничего не поняла. Глаза были полны слез, я рыдала и всё ещё пыталась вырваться из их рук.

Меня подтащили к большому обтёсанному стволу дерева, лежащего на земле. Уложили на ствол, вернее кинули на него, животом вниз, двое держали за ноги. Ещё двое привязывали мои руки, как справились с ними, привязали и ноги.

– Она изуметися, младоуменъа суще, – это кричал Ефим.

Я завыла, мне уже казалось, что меня казнят, отрубят голову или ещё чего сделают.

– Конязь Олыг, велить, – произнёс один из них.

Всё со страху, я уже и кричать не могла, только выла.

Один из мужиков, дернул меня за рубаху со спины, и я почувствовала, как рубаху порвали и спина оголилась. У себя в голове я решила, мне сейчас отрубят голову, шею специально освободили.

Сердце бешено стучала, отдаваясь в горле и голове.

А дальше раздался свист хлыста, и меня накрыла боль в спине. Это было подобно тому, что меня облили кипятком, спина горела адским пламенем.

Так как я ждала смерти, и потому была где то на грани между жизнью и смертью, в каком-то полукоматозном состоянии. Я больше не кричала, только вздрогнула всем телом, от второго удара.

Вокруг меня, как будто образовался вакуум, и я не слышала, как молодой конюх Ефим кричал на мужика с кнутом. Как я узнала потом, он кричал, что Бог его накажет, что он бьёт младоуменъа суще, то есть убогую.

Третий удар, и у меня перед глазами всё поплыло, мельк-

нула мысль, быстрее бы всё закончилось. Сознание, упорно не хотело меня оставлять, и я сквозь нависшую пелену услышала крик:

– Отрешати, не трогати!

Но последовал четвертый удар, и сознание всё же смилостивилось надо мной, наступила темнота.

Из темноты я выплывала, с раздирающей болью. Мозг пронзала боль от спины, как будто миллионы иголок воткнули чьи-то руки в меня.

– Ааа, – стон слетел с моих губ.

Попыталась открыть глаза, сквозь пелену боли увидела лицо Ефросиньи, вновь закрыла. Вновь я здесь, а была маленькая надежда вернуться в Москву, к звуку прибывающего поезда на станции в метрополитене.

Повторно открыла глаза.

– Марья, испужала ти ны.³⁶

– А вы-то меня, как испугали, дикари недоделанные. За тряпку, кнутом.

В ответ она протянула мне маленький ковшик с питьем, я попила и вновь погрузилась в сон.

Два дня я была в таком сонном состоянии, как потом узнала, меня поили отваром на травах, с сонным эффектом.

Иногда приходя в себя, я слышала разговоры, обрывки фраз, как мне казалось это был голос старшего мечника Во-

---

³⁶ Марья, испужала ти ны – Марья, испугала ты нас.

либора.

– Конязь Олыг.

– Волибор, прости мя. Не ведал, чьто она изуметися, младоуменья суще.³⁷

– Вьсть буде добре, не вбиху боле,³⁸– это был слабо знакомый голос.

Волибор что-то ответил, но я уже плохо слышала, вновь уходя в сон.

Когда я выплыла из сна, меня вновь накрыла боль, хотя уже не такая сильная. Шрамы уже покрылись коркой зудели, каждое движение вызывало боль и жжение.

За мной ухаживала Ефросинья, она промывала раны травяным отваром и кормила мен с ложки, поила отварами.

В один из дней, я лежала тихо, размышляя, как дальше жить и как выбираться отсюда. Меня посещали мысли о побеге, но куда? Я не знал, нигде нахожусь, не времени, в котором нахожусь, да и куда мне бежать?

Попробовать вернуться в деревню, откуда меня и Фросю забрали, надо хоть название у неё спросить.

Лежу я так размышляю, как вдруг скрипнула дверь. Думала, сестра названная.

Но кто-то вошел и приблизился молча, присел на лавку рядом, она скрипнула. Я лежала тихо, кто-то так же тихо си-

---

³⁷ Волибор, прости мя. Не ведал, чьто она изуметися, младоуменья суще – Волибор, прости меня, не знал, что она безумная, глупая смолоду.

³⁸ Вьсть буде добре, не вбиху боле – всё будет хорошо, не обижу более.

дел. Затем дверь вновь скрипнула, я услышала голос Фроси:

– Ой, конязь.

– Взяти, горнец, ворожей дати. Деяти в задь,³⁹ – мужской голос.

Я не стала поворачиваться, опасаясь, вновь нажать неприятностей, лежала тихо.

– Кланиась ти са,⁴⁰ – сестра моя благодарила его.

Хлопнула дверь, мужчина ушел.

Фрося заговорила, рассказывала про кухню и поваров, о том, что Волибор вновь куда то отбыл. Потом она убрала с моей заживающей спины тряпицу и стала наносить из горшка мазь мне на спину. Я уж тут не сдержалась и спросила:

– Конязь, принеси? – показала на горшок.

Фрося в ответ согласно кивнула головой.

А я задумалась...

То кнутом приказал бить, причём со слов названной сестры, мне должны были дать тридцать ударов кнутом, это точно запороть насмерть. А теперь вдруг явился, и мазь принёс, наверно из уважения к Волибору, как к хорошему воину. Станный какой-то этот князь.

---

³⁹ Взяти, горнец, ворожей дати, деяти в задь.– Возьми горшок, знахарь дал, мазь спину.

⁴⁰ Кланиась ти са – Кланяюсь тебе самому (спасибо, – коротко)

Глава 6

Весна 6677 год от Сотворения Мира – 1169 год от Рождества Христова.

Время летело быстро, весна наступила, спина заживала, мазь принесённая князем заживляла раны, быстро. Корка на ранах немного беспокоила, иногда чесалась. Я встала на ноги и вновь взялась помогать на кухне, правда меня жалели и тяжело не нагружали. Ефросинья вновь убиралась в княжеском доме, там, где я увидела князя.

Мне совсем не хотелось попадаться на глаза этому изуверу, ну да красивому конечно, но всё равно изуверу.

Пытаюсь учить язык, и сама по немного разговариваю. Так узнала что Волибора, отправили на дальнюю заставу, как старшего. Князь его ценит и доверяет ему важную службу. Постепенно я узнаю больше о жизни вокруг, о людях местных, о городе, в пригороде которого и стоит княжеская резиденция.

То был город Рязань⁴¹, и территория недавно образован-

---

⁴¹ Рязань – дата основания города – 1095 год, была предложена в середине XIX века, когда рязанские краеведы-исследователи обнаружили на обороте листа Следованой псалтыри XVI века запись: В лето 6603 заложен был град Переяславль-Рязанский около церкви Николы Старого на озере Быстрь. Основана

ного княжества Рязанского, а князь Олег, его глава. Он молод, ему только двадцать пять лет. Был женат, жена умерла в родах и ребёнок тоже.

Во дворе после случившегося я гулять боюсь, от каждого мужского взгляда мне становится страшно. Не знаю, что от них ждать, боюсь вновь нажать себе неприятностей, а то и того хуже чего.

В один из дней, я вместе с Ефросиньей дошла до калитки, сбоку княжеского дома, помогая нести ей тряпки для пола и ведро воды. Тут вдруг, на дорожке замечаю одну из девушек из княжеского дома, на прогулке у калитки в саду. Мне интересно кто она князю, и я спрашиваю у названной сестрѐнки:

– Кто она князю?

– Она одна из его наложниц, – говорит мне Ефросинья.

– Я думала родственницы, – шепчу в ответ.

– Марья, они все из походов привезены, куда князь вместе со старшим братом ходил.

– То есть они все из чужих земель?– продолжаю расспрос.

– Одна из наших дальних земель, вроде бы южных, от тиверцев ⁴². Я с ней переговариваюсь, она тихая совсем. А две другие, из чужих, те наш язык не понимают и не хотят да-

---

черниговским князем Святославом Ярославичем, сыном Ярослава Мудрого.

⁴² Тиверцы – восточнославянское племя, расселившееся в IX веке в междуречье Днестра и Прута, а также Дуная, в том числе у Буджакского побережья Чёрного моря на территории современных Молдавии и Украины. Тиверцы впервые упоминаются в Повести временных лет в ряду с другими восточнославянскими племенами IX века.

же, – названная сестра, тихонько рассказывает.

– Бедные, получается, их насильно привезли сюда, да ещё и князь спит с ними силою.

– Марья, да ты совсем глупая что ли, посмотри на князя, кто откажется от его объятий? Иль ты откажешься?– Ефросинья тихонько смеется.

Ну как сказать, наверно, я дура, если отказалась. И не просто отказалась, а ещё и грязной тряпкой по лицу. Да, неудобно вышло. Как-то не получилось у нас первое знакомство. Но если честно, может и к лучшему, очень уж страшно мне от всего происходящего вокруг. Какое, уж тут, заводить амурные дела.

– Фрося, а почему князь не женится во второй раз? – не отстаю я от неё.

– Как брат старший скажет, так женится. Отец то их князь Юрий Владимирович помер, теперь главный в роду Андрей Юрьевич, он и должен сговорить его.

– Значит наш князь Олег Юрьевич? – смотрю на сестру Фрося.

– Какая же ты у меня умница, – говорит она, и ласково гладит по голове.

Ефросинья убегает по делам, а я сижу, раздумываю. Значит Юрий Владимирович по-ихнему Юрый Валадымирыч, а Андрей Юрьевич это Аньдрей Юрич.

В памяти всплывает только Андрей Юрьевич Боголюбский, я лет в шестнадцать натолкнулась в библиотеке на кни-

гу о нём, и прочла запоем её. Уж не помню, кто автор там был, помню только, там была реконструкция его лица, фото места его убийства, схема его резиденции в Боголюбово, рассказ о строительстве Золотых ворот и Успенского собора.

И вот если это он, тогда его отец Юрий Владимирович Долгорукий, считающийся основателем Москвы, тогда он умер примерно 1160- 1165 год. Более точно я дату смерти основателя Москвы не помню.

Долго просидела в своей комнатухе, опечаленная. Страх сковал, надежды выбраться и вернуться в своё настоящее, не осталось. Растерянная и заплаканная, я вышла во двор и поплелась в конюшню. Заглянув в ворота, увидела Ефима.

– Добра тебе Ефим, ты один? Можно зайду?

– Добра Марья, заходи, – он повернулся ко мне и улыбнулся.

– Как Надея? – подошла к лошади в серое яблоко.

– Люба, Надея? – он вопросительно посмотрел на меня.

– Люба, а можно на ней проехать? – улыбнулась прося.

– Ты верхом могёшь? – он удивлённо поднял брови.

– Да.

Ефим отбежал в сторону и притащил седло, стал седлать лошадь, посматривая на меня.

Потом проговорил:

– Чего стоишь, беги, надень штаны, как поедешь.

Меня не надо было просить, стремительно понеслась на кухню. Нашла там Фросю, и затараторила:

– Фрося, мне штаны надо.

– Какие штаны?

Постаралась быстро ей объяснить, что мне нужно. Разобравшись, она нашла мне всё-таки какие-то штаны и я их надела, подвязав сверху вдетой в пояс веревкой. А затем бегом вернулась на конюшню.

Там Ефим уж ждал меня, Надея и ещё один конь были под сёдлами и били копытами в нетерпении. Я взялась за уздечку своей кобылки и с лёгкостью взлетела в седло.

Ефим чуть замешкался, он хотел мне помочь, но быстро понял, что я сама справлюсь и тоже поднялся в седло. Мы выехали со двора в задние ворота рядом с конюшней, и направились к лесу.

Я огляделась, весна бушевала, на лугу всё покрыто зеленью, буйство луговых первоцветов. Стащив с косы шнурок, удерживающий её, распустила косу. Ускорив лошадь, направила её рысью к кромке леса.

– Любо-то как, добро!!!!– кричала на полном скаку.

Добравшись до леса, мы прогулялись немного по лесным тропинкам, я набрала целую охапку лесных первоцветов. Ефим всю дорогу улыбался и посмеивался надо мной:

– Ты как птичка, вырвавшаяся из клетки.

– То правда, устала сидеть всё время во дворе.

– Буду брать тебя выгуливать лошадей, ты хорошо держишься в седле.

– Благодарю, только рада буду.

Вернувшись в конюшню, я помогла Ефиму расседлать Надею.

– А где конь вороной, крупный такой, тот, что рядом с Надеей стоял?

Ефим обернулся и напугано стал озираться.

– Это княжий конь, его только князь мог взять. Да и, чужому, он не даст на себя сесть.

В этот миг ворота в конюшню отворились, и на пороге появился всадник на том самом вороном коне.

Глубоко вздохнув, со страхом смотрела, как всадник спустился с коня.

Попятившись спиной, забила в угол и старалась почти не дышать, но глазами так и продолжала всматриваться в темный силуэт, приближающийся ко мне.

Он остановился передо мной, Ефим в этот миг, склонился перед ним, согнувшись в поясе. Князь Олег, а это был именно он, отдал ему поводья, и повернулся ко мне.

Я задержала дыхание, страх совсем сковал меня. Нужно было мне поклониться ему, как это сделал Ефим, но из моей головы со страху всё выветрилось. Смотрела на него, и видела перед собой только его тёмные глаза. Омуты, а не глаза.

– Красный конь, у князя Олега, – произнесла, на их языке.

Князь замер, так и продолжая на меня смотреть, и вдруг сделал шаг ко мне, приближаясь.

– Нравятся лошади? – это он мне.

Я мотнула головой, соглашаясь, на большее меня уж не

хватило.

– Ефим, разрешаю. Бери её с собой, выезжать лошадей, она хорошо в седле держится.

– Да, княже, – это Ефим.

Князь развернулся и пошёл на выход.

Он ушел, и я, поблагодарив конюха, тихо пошла на кухню. Мне дали работу, почистить овощи для приготовления в печи. Только я закончила, мне вручили целый мешок крупы и сказали за два дня прибрать её от мусора.

Притащив мешок волоком на двор, утащила его за угол, там, на скамеечке и деревянном столе, и устроилась. Насыпала на противень пару-тройку горстей, выбирала хорошие зёрна, ссыпая чашку.

Так провела несколько часов, благодаря что досталась мне крупа довольно крупная, похожая на перловку, а не пшено. Несколько часов и спина уже затекла, но я ещё даже не перебрала и четверти.

Подняла голову, размяться. Глазами повела, заметила сидящим на скамейке, в том саду где гуляют наложницы, князя. Он смотрел в мою сторону, повернув голову, посмотрела за свою спину, решив, что там кто-то из дворовых людей.

Но так никого не было, я вновь повернула голову и посмотрела на князя. Он не отвернулся, а так и смотрел на меня. На меня, я уж не сомневалась.

Холодок страха пробежал по спине, в животе аж свело.

Глава 7

Лето 6677 год от Сотворения Мира – 1169 год от Рождества Христова.

Лето выдалось жарким, мы с Ефросиньей часто бегали купаться, плескались по долгу, прикрываясь кустами на берегу. В один из дней, мы решили с утра ополоснуться. В предыдущий день на кухне пекли пироги, мы на подхвате были, у печки пропотели сильно, да и ночь выдалась душной. Немного поплескавшись в теплой водице, сестра убежала, убираться в комнатах наложниц. А я осталась, мне на кухню так рано не надо было.

Купались мы в месте постоянном и проверенном, здесь никто чужой не бывал. Плескалась я не долго, отчего-то на меня нашёл страх. Казалось, что рядом есть кто-то, и наблюдает за мной. Несколько раз оборачивалась, вглядываясь в лес на берегу, в кусты. Никого не увидела, и продолжила плавать, умею немного.

Вдруг в лесу послышалось лошадиное ржанье, тут уж я не выдержала, бросилась к одежде на берегу у кустов, быстро накинула нижнюю рубаху, затем верхнее платье, всё по

местным традициям. Был ещё тонкий вышитый поясок, что мне вышила и подарила названная сестра. Но как не искала, не смогла найти.

Я расстроенная и опечаленная побежала к княжескому двору. Там оказалось мне уж некогда печалиться, работой завалили, это почисть, то вынеси, это принеси. Бегала, ако пчёлка, так бы местные сказали.

Только все поручения выполнила, и присела, прибежала девка из княжеского дома, Агафка её звали. И давай на меня кричать, чего это я расселась. Кричит, заставляет меня куда-то идти и что-то делать.

Половины не понимаю, она говорит быстро, а она взяла меня за руку, и потащила в княжеский дом. Втолкнула, меня в большую комнату и давай тыкать пальцем на пол. На полу было, что-то рассыпано, я пригляделась, решила, что земля какая-то.

Кое-как поняла, что она от меня хотела. Нужно здесь убраться, они не успевают, потому что готовятся к приезду гостей. Потому и готовили мы вчера пироги, а сегодня с утра на кухне такая беготня и суматоха.

– Уберу, – мотнула головой согласно.

Она ушла, а я огляделась вокруг. Большая светлая комната, по меркам этого времени. Два окна, стёкла правда мутные. У окна большой стол, на нём лежат свёрнутые рулончиками бумаги. Решила это свитки наверно, подошла к столу и вновь огляделась. Вокруг никого, тишина.

Присела за стол, развернула свиток, прочитать не могу, язык непонятный мне. Сбоку от стола шкаф, с полками, на полках книги. Книги не стоят, а лежат стопками по две или три.

Подошла к шкафу, взяла одну книгу. Она не такая, как наши книги, размер больше и сама тяжелее. Увесистая, обложка из толстой кожи и даже металл по краям.

Положила на стол, открыла и всмотрелась, мне повезло, книга была на латыни. Глубоко вздохнула, так хочется книжку почитать. Но не воровать же её, тогда уж точно меня заporют насмерть. Вернула книгу на место, побежала за веником и ведром с водой.

Вернувшись, вновь засмотрелась на книгу на полке. Нет, это какой-то адский соблазн.

Взялась за уборку, подмела и вымыла пол, постаралась сделать быстро. И не выдержала, взяла книгу и положила на стол. Осмотрелась, никого, и открыла книгу.

Решила, только страницу или две почитаю, и верну её на полку.

Склонилась, пальцем веду по буквам, латынь прошлого отличается от латыни моего века. Но всё же я разбираю слова понемногу. Автор книги Корнелий Непот, название "О знаменитых иноземных полководцах".⁴³ Взялась за первую главу и забыла про всё вокруг.

---

⁴³ Корнелий Непот. Около 100 до н. э., Тицин (?) – после 27 до н. э «О знаменитых иноземных полководцах» (20 кратких биографий).

– Любо? – раздалось за моей спиной.

От неожиданности, вскочила и замерла с открытым ртом. Передо мной стоял князь, смотрел на меня. Сглотнув комок в горле, я опять про всё забыла. Нужно поклониться, а я смотрю прямо ему в глаза, чего нельзя никак делать.

– Я пыль протираю, – начала водить тряпкой по столу.

– Вижу уж, чего ты там протираешь пальцем. Чего? Красная книга? Узоры красивые, хочешь подарю?

Я замерла от услышанного, вновь посмотрела на князя, и мотнула головой соглашаясь.

– На время возьму, подарок слишком дорогой.

Князь поднял книгу со стола, и протянул её мне. Потянулась за книгой, и нечаянно прикоснулась к его пальцам и отдернула, такая волна тока меня пронзила. Вновь мой взгляд упёрся в шоколадно-карие глаза князя.

– Возьми Марья. А хочешь, читать тебя научу?

Я вновь сглотнула комок в горле, и согласна кивнула, книгу взяла и стала, пятится от князя, спиной к двери. Взясась за ведро, книгу в тряпицу сухую завернула и к двери иду.

– Марья, – он окрикнул, меня.

Замерла на пороге, почти не дыша, боюсь я его. Чуть отдышавшись, повернулась.

– Скоро гости придут, не выходи во двор до утра, скажешь на кухне, князь так велел.

Я вновь согласно кивнула головой. Князь стал поворачиваться ко мне спиной, а я с трудом выдавила из себя:

– Благодарю, князь.

Он остановился, повернулся ко мне и тоже кивнул головой.

Я пятилась, а князь так и смотрел на меня, пока я не закрыла дверь.

Воду из ведра вылила и побежала с книгой в тряпице к себе в комнату, оставила там. Весь остаток дня помогала на кухне, слышала, как приехали гости. Меня хотели поварихи, отправить в курятник за яйцами. Но я вспомнила, что князь сказал не выходить. А потому поварихам сказала:

– Князь сказал, на двор мне до утра не выходить.

Поварихи посмотрели на меня удивлёнными глазами, но промолчали.

Только поздним вечером меня отпустили, я ушла в нашу с Фросей комнату, зажгла лучину,⁴⁴ открыв книгу, взялась читать. Долго не смогла, устала, и спать очень хотелось. Завернув книгу в тряпицу, убрала.

Весь следующий день, помогала на кухне и как только выдавалась свободная минута убегала почитать в свою комнату. В одну из этих минут, пока я читала, в комнату зашла Ефросинья.

Она замерла, увидев книгу у меня на коленях.

– Где ты это взяла? Что ты натворила, откуда стащила?

---

⁴⁴ Лучина – тонкая длинная щепка сухого дерева, предназначенная для растопки печи или для освещения избы. Для получения лучин полено щепили, то есть разделяли на щепы.

– Фрося, я не стащила, мне дали.

– Горе ты моё, неси обратно сейчас же. Или князь вновь рассердится.

Как я не пыталась объяснить, меня не слушали. Завернула книгу в тряпицу, но тут меня схватили за руку и потащили к входу в княжеский дом, буквально втолкнув в дверь. Вот же, что значит крепкая русская девушка, куда мне до неё.

– Верни, пока тебя опять не наказали, – были последние её слова.

От её толчка, споткнувшись чуть не упала. Оглядевшись ни кого не увидела, в доме была тишина, значит, гости уже уехали. Прошла вперед, нашла ту самую комнату, где видела шкаф с книгами.

Только решила положить книгу на полку, увидела на нижней полке, свой поясok от платья, подаренный мне Ефросиньей. Подняла удивлённо его, и в этот миг услышала звук открывающейся двери.

Я обернулась, князь Олег стоял у двери и смотрел на меня.

– Марья? Ты книгу принесла уже? Что всё уже рассмотрела? – его голос был пропитан силой и властью.

По телу моему пробежал легкий озноб, или это другое что-то. Я застыла, молча смотря на него, и даже не моргала.

Как в замедленной съёмке, князь приближался ко мне, а я смотрела на него.

Он подошёл и встал рядом.

– Марья, читать будем учиться? – это он мне, стоящей

столбом.

– Да, князь, будем, – он в момент, когда я произнесла – "князь", поднял взгляд на меня.

– Садись, – он показал на лавку.

Мою книгу на латыни, он убрал на полку и взял другую оттуда. Положил на стол и сел рядом со мной, от ощущения его близости, меня всю сковало, и затряслись руки.

Князь открыл книгу и указал пальцем на букву «А» правда – это была несколько не такая, как я бы в современности её написала. Это была красивая буква, с завитушками и слегка изогнутая, но всё же узнаваемая.

– Это буква «Аз», читается она в письме как «А». Далее смотри буква – «Буки» на письме «Б», а вот – это «Веди», читаем «В». Он водил пальцем, а я водила глазами за его рукой.

– А что это за книга? – стало интересно.

– Остромирово Евангелие, ему больше сотни лет.⁴⁵ А теперь повтори, что я тебе рассказал?

– Аз, читается "А", Буки читается "Б", Веди читается "В". Остромирово Евангелие, и ему больше сотни лет, – проговорила, водя пальцем по буквам в книге.

Князь замерев, посмотрел на меня, удивлённо выгнув брови.

---

⁴⁵ Остромирово Евангелие – датируется 1057 годом. Древнейшая книга на Руси, написанная кириллицей. Это Евангелие хранится в Санкт-Петербурге, в библиотеке Российской Академии наук.

– Молодец, Марья, – он погладил рукой меня по голове, и вдруг замер, всматриваясь в моё лицо.

Встал, закрыл книгу и проговорил:

– Иди, продолжим в следующий раз.

Я согласно кивнула головой и пошла к двери. Как только выскочила, поняла, какого страху натерпелась. Это про мой случай говорят, сердце ушло в пятки.

Через пару дней, во дворе княжеского дома поднялась суеда и шум, забегали воины, конюхи, девки дворовые. Я выглянула из-за угла кухни, интересно было узнать, что происходит.

Двое вооруженных воинов, держали за руки, мужчину в странной по местным меркам одежде. Он смотрел со страхом на собравшихся вокруг его людей, было видно его трясёт. Я немного приблизилась, в этот момент из дома вышел князь.

– Кто ты такой и что делаешь здесь? – громко проговорил князь Олег, мужчине в странных одеждах.

Он что-то тихо проговорил, но мне было неслышно.

– Позови Федора-толмача⁴⁶, – это князь одному из воинов.

Тот мгновенно сорвался с места и побежал в селение расположенное за стенами княжеской резиденции. А в это время я протиснулась, сквозь толпу собравшихся во дворе, и услышала о чем тихо говорит удерживаемый мужчина:

– Прибыл строить храм, я архитектор, – он говорил на ла-

---

⁴⁶ Толмач – переводчик.

тинском.

– А вы откуда? – не сдержалась я.

Он уставился на меня, не моргая.

– Из Ромеи, Антонио Комеч. Помогите мне милая, – его голос дрожал, он молил меня о помощи.

Пока я смотрела на Антонио и не заметила, как на меня смотрит князь.

– Ты разумеешь, что он говорит? – раздался его громкий голос над моим ухом.

У меня со страха слегка подогнулись коленки, и по спине прошелся холодок. Я развернулась в его сторону и кажется, замерла с открытым ртом.

Ох, и красив же, и одновременно страшен, в своем гневе.

– Я ...– потеряла дар речи.

Пришлось кашлянуть, прочистив ком в горле.

– Да, я же с южных земель. Там где море, – я пыталась вспомнить, как раньше на Руси называли Черное море. Но в голове таких воспоминаний не всплыло.

Князь вопросительно смотрел на меня, выгнув вопросительно бровь.

– Ну...

Все смотрели на меня, ожидая, чего я скажу.

– Вот князь Олег повесил свой щит на ворота этого города... Как город называется?

– Изуметися, что с неё взяти.⁴⁷

---

⁴⁷ Изуметися, что с неё взяти – глупая, что с неё взяти.

Это сказал, кто-то из толпы вокруг.

Что же такое изуметися, крутилось у меня в голове. Посмотрела вновь на князя, он не смотрел на меня, на мгновение закрыл глаза и глубоко и шумно вдохнул, как мне показалось, успокаивая себя.

– Князь Олег Вещий, повесил щит на воротах Царьграда, если кто не знал.

– А вот это, – показала на мужчину из Ромеи.

– Антонио Комеч, из Ромеи, это где Царьград. А ещё он сказал, что прибыл строить храм, он архитектор.

Все замерли и уставились на меня, князь тоже смотрел.

В этот момент во дворе появился толмач Федор, и князь перевел взгляд на него.

– Спроси его кто он?

Федор посмотрел на Антонио, что-то произнёс на непонятном мне языке.

Повторил на немецком, я это поняла, а вот третий вопрос был, на ещё одном, незнакомом языке.

– Он ромей, – не выдержала.

Федор уставился на меня, помялся, посмотрел на князя, тот в ответ одобряюще кивнул. После чего последовал вопрос на латинском языке.

– Кто ты и откуда?

Антонио заговорил, князь смотрел на него, прислушивался.

А я решила, как говорится от греха подальше, и стала по-

тихоньку выбираться из толпы. Скрылась на кухне, и там до вечера, что-то чистила и мыла, наносила воды ведрами, только бы себя чем-то занять.

Вечером в нашей с сестрой комнатке, лежала уставшая, Фрося устроилась рядом.

– Фрося скажи, а что такое изуметися?

– Нуу, дурний, сбрешный.

– А почему про меня говорят, что я изуметися? И ещё младоуменица суще? Помню, ты меня первая так назвала.

– Да я защитить тебя хотела, у тебя одёжа странная была и сама ты странно говорила.

– То есть ты меня дурной назвала и ещё младоуменицей.

Младоуменица...

До меня, дошло, она меня глупой от рождения, назвала.

Вот же, радость какая.

А на Руси насколько помню, юродивых не обижают. Для окружающих я такая, поэтому меня Волибор не тронул, поэтому князь отступил, несмотря на то, что я ему тряпкой по лицу.

Два дня ходила в расстроенных чувствах от того, что все меня считают глупой. Переживала, что на меня могут косо смотреть и думать о моей неполноценности. Но потом решила, может и к лучшему.

Видела, что Антонио увезли куда-то. Спрашивать не посмела, да и кого, не пойдёшь же к князю и не спросишь. Куда это ты его отправил?

С конюхом Ефимом мы по утрам выезжали на прогулку, я всё так же на Надеи, а он на разных лошадях. Сегодня мы тоже выбрались поутру, ещё до наступившей жары.

Из конюшен стали выезжать, я глянула на вороного коня князя, нет его, интересно стало, куда это он в такую рань уехал. А может вообще с вечера ещё? Спрашивать у Ефима я не решилась.

Так в раздумьях мы и добрались до леса, ехали неспешно. Ефим вдруг заговорил:

– Марья, а ты откуда?

– С южных земель – ответила уклончиво, названий то не знала.

– С Галицкого или с Переяславского?

– С Галицкого, – надеюсь, оно дальше и проверить не удастся, оттуда ли я.

– Скажи ещё Марья, как здесь оказалась, по тебе видно ты не из простых?

– С чего ты так думаешь?

– Видел, ты книгу читала, умеешь же? Язык ромейский разумеешь. Да и видно, по тебе.

– Что видно? – внутри холодок пробежал.

– Ты перед князем не склоняешься, как ровня, с ним себя ведёшь.

Я дернула удивлённо бровями и замерла, открыв рот. Вот же я попала, чего мне ему говорить-то, что ответить.

Ничего не успела ответить, услышала топот лошадиных копыт, кто-то приближался. Подняв голову, я посмотрела, в том направлении.

Это был князь Олег, приблизившись, он посмотрел не на меня, на конюха. Обернувшись, увидела, что тот склонил голову пред ним. Я попыталась повторить за ним, склонить-то склонила. Но глаза подняла, смотрела на князя.

– Ефим, тебе не пора кормить лошадей? – это князь.

– Пора княже, – конюх тут же скрылся из виду.

– Марья, почему не приходишь дальше учиться читать? – это князь мне.

– Боюсь помешать, – вот это я честно призналась.

– Сегодня приходи, после полудня.

– Приду.

Мы возвращались, сидя на своих конях.

– Марья я кто тебя научил ездить верхом на коне? Отец или может братья? – князь развернул своего вороного коня, перекрывая движение Надее.

Я подняла на него глаза, он тоже смотрел на меня.

Первая отвела взгляд, не могла разобраться в нахлынувших внутри меня ощущениях. С трудом взяла себя в руки, сглотнув комок, образовавшийся в горле, проговорила:

– Не знаю, не помню.

– Это как Марья?

Он подвинул коня, давая мне проехать. Мы двинулись дальше, направляясь к ручью, и через него к княжескому

двору.

– Упала я, и ушиблась сильно зимой. С той поры не помню ничего и никого.

Мы подъехали к ручью, князь спустился с коня, взяв мою лошадку за поводья. Он подошел к коню сбоку, я вопросительно посмотрела на него.

– Спустись, помогу – он потянул руки ко мне.

Отказываться не посмела, перекинув ногу, стала спускаться с седла. Князь подхватил меня руками за талию, плотно прижимая к себе.

Задержала на миг дыхание, а князь смотрел, мне прямо в глаза. Эти мгновения, мне показались бесконечными, от его близости, я вся дрожала. Чувствую, как напряглись мои соски от прикосновения о его твердую грудь. Немного растерявшись, уперлась руками в его широкие плечи.

Ощущения были так сильны, что глаза сами распахнулись, и я зависла на его карих глазах. Постепенно он опускал меня на землю, мой взгляд тоже опустился. Перед глазами его губы, потом волевой подбородок, и вот уже широкая грудь.

Он всё ещё держит меня прижатой к себе, и я чувствую его теплое дыхание на виске. Летят мгновения, и я забываю дышать. Князь наклоняется ко мне, его лицо приближается...

С трудом смогла прийти в себя и отстраниться, руками коснувшись каменной груди князя. Он отпустил, развернувшись, отошёл к ручью. Наклонившись, зачерпнул руками во-

ду и умылся раз, а затем второй.

Я подошла, тоже присела у ручья, опустила в него руки, набрав в ладони, попила воды.

– Вкусная, сладкая.

Князь повернул голову ко мне, посмотрел пристально, внимательно. Смущение разлилось румянцем по моим щекам.

Возвращались молча, видела, князь хмурится.

Полдень наступил, я мучилась сомнениями, идти или нет. До последнего тянула, но всё же решилась. Пошла к входу в княжеский дом, на пороге стояли воины из стражи. Я замерла, не решаясь подойти, повернув головы, они посмотрели на меня.

Я уж подумала, убегу. Но один из них произнёс:

– Чего тебе, Марья?

Только открыла рот, чтобы ответить. Как тут распахнулась дверь, и на пороге показался сам князь.

– Марья, пришла? – он посмотрел на меня и добавил.

– Проходи, хотел уж за тобой кого-нибудь отправить.

Уставившись на него, часто-часто заморгала, неожиданно было. Сделала пару шагов, приблизилась. Проходя мимо стражников, чувствовала, как они смотрят на меня. Князь тоже смотрел, от чего я густо покраснела. Прошла в дом, князь за мной, я знала, как идти в комнату, где книги, поэтому пошла сама.

Как зашла, остановилась и повернулась к князю. Он приближался, взгляд был хмур, на меня не смотрел.

– Садись, – последовал приказ.

Холодок страха прошёлся вновь по спине, которая помнила ещё гнев князя. Села, со страха и не думая, даже смотреть на князя. Он видимо в это время взял книгу и сел рядом.

– Повтори, что помнишь, – последовал новый приказ.

– Аз, читается "А", Буки читается "Б", Веди читается "В". Остромирово Евангелие, и ему больше сотни лет.

– Хорошая память. Я вот думаю, может ты меня, чему научишь? Скажи Марья, откуда ты латынь знаешь? И не ври, ты говоришь на нём и читаешь.

Я понимала, что ничем хорошим для меня это не закончится. Мне и так тяжело этом мире, одной без родных, без надежды, что вернусь домой. Слезы потекли сами собой, я склонила голову.

– Я не помню, – проямлила, хлюпая носом.

Ну, а что я могла сказать? Простите меня, пожалуйста, князь Олег Юрьевич, но я из будущего и нас разделяет почти девятьсот лет. Меня тогда, как ведьму на костре сожгут, только вот не помню, на Руси ведьм сжигали или топили. Неважно, убьют точно.

– Марья, не плачь, – князь встал и подошёл ко мне со спины.

– Я верю тебе, поверь, всё наладится, и ты всё вспомнишь, – успокаивал.

– Угу, – я мотнула головой и вытирая слезы.

Князь сел на лавку рядом, с моей стороны от стола. А дальше произошло то, от чего я в раз плакать перестала. Он одной рукой обнял меня и прижал к своей груди.

– Марьюшка, не плачь. Я тебя в обиду не дам, всё наладится.

Успокоившись, вытерла слёзы.

– Я пойду, мне пора на кухню, – встала, князь тоже поднялся с лавки.

– Возьми книгу на латинском языке, читай. Прочтешь, приходи за другой книгой, – он вновь нахмурился.

– Да, князь, – потянулась руками взять книгу.

Книгу я читала долго, около месяца, отличия современной мне латыни, от той, что в книге не маленькая. Но я прочла и уже была готова вернуть её князю. Завернула в тряпицу и пошла, во дворе задержалась у входа в дом. Охранники, посмотрев на меня, пропустили.

Я тихо вошла, в доме было тихо. Пошла в комнату с книгами, подумала, сама оставлю книгу и другую возьму. Не ходить же по дому в поисках князя.

Так и сделала, выбрала новую книгу, и направилась на выход. И в дверях налетела на входящего князя, чуть книгу не уронила.

– Марья?

Он подхватил меня за руки, не давая упасть.

– Вот книгу пришла поменять, – подняла на него глаза, растворяюсь в карих омутах.

Руки князя, передвинулись с моей талии на спину, легонько пытаюсь прижать к себе. Я окунулась в волну его мужского запаха, и сразу же закружилась голова и дыхание перехватило. Книгу я держала подрагивающей рукой, опустив сбоку.

– Марья, – это голос князя.

Вновь взглянула на него, и забыла дышать, забыла, где я и с кем. Время замерло потому, что смотрела на него.

Он наклонился и прикоснулся к моим губам. Его теплые губы, нежно прижались к моим губам. От нахлынувших ощущений, я вздрогнула и чтобы вдохнуть, приоткрыла губы. В ответ князь поймал мой вздох и ворвался в мой рот своим ненасытным языком, лаская и сводя с ума.

Это был мой первый настоящий поцелуй, жаркий и сводящий с ума. Сколько мы так стояли и целовались, не знаю, я потерялась во времени.

Звук упавшей из моих рук книги, привел меня в чувство. Опомнившись, я вырвалась из его объятий, подхватив книгу с пола, выбежала во двор.

Глава 8

Лето 6677 год от Сотворения Мира – 1169 год от Рождества Христова.

Прошло несколько дней, к князю я больше не ходила, страшась свершившегося. Старалась не попадаться на глаза к князю, потихоньку читала книгу и старалась выбросить из головы мысли о князе и жарком поцелуе.

В этот день мы с Ефимом, немного запоздали с выездом со двора. А потому и в лес въехали поздно, чуть проехавшись, конюх решил возвращаться. А я же направилась искупаться, ополоснувшись по-быстрому, и не успев просушить волосы, села на Надею.

Когда возвращаюсь, меня уже стражники у ворот торопят, подгоняя и приговаривая, что князь Олег меня ищет. Направляю лошадку свою внутрь двора к конюшне, как только спускаюсь с Надеи, попадаю в руки Волибора. Он захватывает меня в свои объятия, не сразу от неожиданности, понимаю, что происходит.

– Волибор, ти? – пытаюсь выбраться из его объятий.

Но куда мне против сильного мужчины. Он только чуть

расслабляет хватку, но не выпускает.

– Марьюшка, ми Марьюшка, – он гладит рукой меня по голове.

– Волибор, негоже, – я попыталась отстраниться.

Но всё бесполезно, он попытался меня поцеловать, я замотала головой, желая уклониться. Мечник рукой стал удерживать мой подбородок. Не выдержав закричала:

– Нет, не надо! Отпусти!

Дверь в конюшню распахнулась, и на пороге я увидела князя.

– Выйди, Марья! – прогремел громкий и властный голос.

Волибор опустил руки, а я замерла поражённая изменениями в голосе князя. Сталь и мощь, сменили спокойные и даже завораживающие оттенки в голосе князя, какие были в его голосе, когда учил меня читать или разговаривал в лесу.

Очнувшись, бросилась бежать и хорошо, что дверь конюшни широкая и не пришлось столкнуться с князем.

Убежав на кухню, я до полудня там торчала, в страхе ожидая последствий после произошедшего. Но обошлось, ни мечник, ни князь не появлялись. Так прошло несколько дней, я уж облегчённо выдохнула, но ходить в конюшню или в лес одна побаивалась.

Дело было уже к вечеру, я сидела в нашей с Фросей комнате и читала последние страницы книги. Вдруг послышался шум со двора, не желая опять быть втянутой во что-то, даже не пошевелилась. Но дверь в комнату распахнулась и в

комнату влетела взъерошенная сестра Ефросинья.

– Марья, ты тут чего, тебя князь ищет?

– Зачем Фрося? – в памяти, воскрес последний раз, когда князь меня искал, а нашёл Волибор.

– Так, там посланник прибыл,– она посмотрела на меня давая понять, что я совсем не понятливая.

– Где князь? – вновь налететь на какие-то неприятности не хотелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.